

ПОДСЕКЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО»

**Международно-правовые основы антитеррористической деятельности
Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территориальной
юрисдикции**

Авхадеев Владислав Рамилевич¹

кандидат юридических наук, ассистент

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина,

филиал в г. Набережные Челны, Россия

E-mail: vladislavavkhadeev@rambler.ru

Введение

Одной из самых наиболее актуальных проблем в современной России является терроризм. Крупнейшие по своим масштабам акты терроризма, совершённые на территории Российской Федерации, не обошлись без международного участия, то есть привлечения к участию в данных преступлениях террористической направленности граждан иностранных государств.

В 2004 г., после трагедии Беслана стало доподлинно известно, что значительная часть террористов проникает на территорию России с территории Грузии (Панкисское ущелье), представителями военного руководства Российской Федерации было сделано ряд заявлений о том, что Россия может нанести превентивные удары по базам террористов во всём мире. Заместитель министра иностранных дел РФ Юрий Федотов сообщил, что заявления о нанесении превентивных ударов по базам террористов во всем мире не противоречат Уставу ООН, так как он предполагает возможность применения вооружённой силы государства в целях самообороны².

В условиях изменения международной и внутренней обстановки крайне важно иметь законодательную базу, чётко регламентирующую в правовом отношении деятельность по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации³.

Учитывая международный характер большинства преступлений террористической направленности, 6 марта 2006 г. в России был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму», в котором закреплено право Российской Федерации на применение Вооружённых Сил за пределами национальной юрисдикции в целях пресечения международной террористической деятельности. Другие государства имеют аналогичные правовые основания для защиты своих интересов в сфере национальной безопасности.

Методы

Основываясь на логической модели научного объяснения (теории Гемпеля-Оппенгейма)⁴, нами был проведен юридический анализ п. 4 ст. 6 Федерального закона «О противодействии терроризму», предусматривающего применение Вооружённых Сил

¹ Автор выражает признательность доценту, к.ю.н. Тюриной Н. Е. за помощь в подготовке тезисов.

² МИД РФ: Нанесение превентивных ударов по базам террористов в мире не противоречит Уставу ООН : электронный документ // Официальный сайт политической экспертной сети «Кремль.org». – Режим доступа: <http://www.kreml.org/news/65908683?mode=print> – свободный.

³ Соболев В. А. Организационный аспекты государственной политики противодействия терроризму // В сб. : Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом / [сост. В. Л. Шульц] ; Центр исслед. Проблем безопасности РАН ; Науч. совет при Совете Безопасности РФ. – М. : Наука, 2006. – С. 4 – 16.

⁴ Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика : учебник для вузов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 450.

Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности за пределами государственной территории Российской Федерации, как логического вывода, предпосылками которого являются ст. 51 Устава ООН, Резолюции Совета Безопасности ООН № 1368 (2001)⁵ и № 1737 (2001)⁶, принятые в связи с актами международного терроризма 11 сентября 2001 г. в США.

Результаты

Проведенный анализ показал, что п. 4 ст. 6 ФЗ «О противодействии терроризму» 2006 г. является логическим выводом, следующим из ст. 51 Устава ООН, которая предусматривает право Члена ООН на индивидуальную и коллективную самооборону в случае нападения на него до принятия мер Советом Безопасности ООН. Резолюции Совета Безопасности ООН: № 1368 (2001), содержащая прямое указание на то, что события 11 сентября 2001 г. и любой другой акт международного терроризма угрозой для международного мира и безопасности, что позволяет применять санкции ст. 51 Устава ООН, и № 1373(2001), подтверждающая право государства на индивидуальную или коллективную самооборону, признанное в Уставе Организации Объединенных Наций и подтвержденное в резолюции 1368 (2001) –являются логическим обоснованием указанной выше нормы антитеррористического закона Российской Федерации.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что норма Федерального Закона «О противодействии терроризму», закрепляющая право на применение Вооружённых Сил Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности за пределами своей государственной территории, является логическим выводом из указанных выше источников международного права. При разработке закона использовался не только собственный, но и международный опыт борьбы с терроризмом – главной угрозой мировой цивилизации. В нём учтены многие нормы международного права⁷.

В целях оптимизации права государства на применение вооружённых сил для самообороны от актов международного терроризма необходимо указать «пресечение международной террористической деятельности» как одну из целей создания ООН, посредством внесения поправок в ч. 1 ст. 1 Устава ООН, и принять Всемирную конвенцию в рамках ООН «О противодействии международной террористической деятельности», которая должна установить единообразное понимание терроризма и ответственности за осуществление международной террористической деятельности.

Литература

1. Войшвилло Е. К. Логика : учебник для вузов / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 450.
2. Патрушев Н. П. Введение. Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму. Терроризм. Правовые аспекты противодействия : нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова и Ю. С. Горбунова. – Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2007. – С. 9 – 10.
3. Соболев В. А. Организационный аспекты государственной политики противодействия терроризму // В сб. : Организационно-правовые вопросы борьбы с

⁵ S/Res/1368 (2001) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1368.htm> – свободный.

⁶ S/Res/1373 (2001) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1373.htm> – свободный.

⁷ Патрушев Н. П. Введение. Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму. Терроризм. Правовые аспекты противодействия : нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова и Ю. С. Горбунова. – Изд-е 2-е, перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2007. – С. 9 – 10.

терроризмом / [сост. В. Л. Шульц] ; Центр исслед. Проблем безопасности РАН ; Науч. совет при Совете Безопасности РФ. – М. : Наука, 2006. – С. 4 – 16.

4. <http://www.un.org> (Официальный сайт Организации Объединённых Наций).

5. <http://www.kreml.org> (Официальный сайт политической экспертной сети «Кремль.org»).

Соотношение понятий пиратства в международном праве и уголовном праве Российской Федерации

Акимова Ирина Александровна

студентка

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

E-mail: irina_119@list.ru

Введение

Сейчас на нашей планете осталась только одна территория, где не действует сила права, а действует право силы. Территория, где решения правительств даже ведущих стран мира не имеют абсолютной силы и где легко прячутся люди, находящиеся не в ладах с законом. Это – Мировой океан.

Если борьба с терроризмом на море приобрела наибольшую актуальность только в середине XX столетия, то борьба с пиратством ведется с давних времен.

По статистике за последние годы нападениям пиратов подверглось около 1500 судов более чем из 60 стран мира.

На самом деле случаев пиратства гораздо больше, чем официально регистрируется (а регистрируется их менее 80% случаев).

Пиратство как преступление международного характера издавна было признано мировым сообществом в качестве обычной нормы международного права в силу его особой опасности для международного морского судоходства. На международном уровне делалось немало попыток дать общее определение пиратства и закрепить его как преступление в договорной форме.

Тем не менее, на сегодняшний момент единообразного понятия пиратства не выработано, кроме того, понятие, закрепленное в международных документах, существенно отличается от определения, данного в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации.

Выводы.

Проведя детальный анализ двух конструкций пиратства (по цели, объекту, предмету посягательства), можно сделать вывод о том, что они существенно отличаются друг от друга. При этом понятие пиратства, сформулированное в ст. 227 УК, намного шире, чем это следует из определения пиратства, закрепленного в международных Конвенциях, и не содержит признаков, имеющих существенное значение для отграничения пиратства от других преступлений.

Поскольку в УК РФ декларируется, что «настоящий кодекс основывается на... общепризнанных принципах и нормах международного права», следовательно, необходимо привести ст. 227 УК РФ в соответствие со ст. 101 Конвенции 1982 г. Для этого следует максимально полно отразить и конкретизировать признаки пиратства, которые имеют существенное значение для его уголовно-правовой характеристики, исходя из исторически сложившихся представлений, понятий и норм международного права.

Литература

1. Демиденко В.В., Прусс В.М., Шемякин А.Н. Пиратство, терроризм, мошенничество на море / В.В. Демиденко. – Одесса: АО Бахва, 1997. – 144 с.
2. Ефимова Л.М. Современные пираты южных морей // Финансовый бизнес. – 2004. - № 9-10. – 37 с.
3. Оппенгейм Л. Международное право / Л. Оппенгейм. - М., 1949. - Т. 1. – 358 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Издательство «Элит», 2005. – 160 с.
5. Конвенция ООН по морскому праву. Принята 10 декабря 1982 г. Ст. 101 / Международное публичное право. Сб. док. Т.2. – М.: БЕК, 1996. – Ст. 5493.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: - Издательство «Элит», 2005. – 160 с.
7. Ровнейко В.В. Пиратство: его правовые проблемы // Уголовное право. – 2000. - № 11. – 59

Международная правосубъектность Европейского банка реконструкции и развития

Афанасьева Анна Александровна

студентка

Киевский национальный университет имени Т. Шевченко Институт международных отношений, международное право, Киев, Украина

E-mail: ann.afanasieva@gmail.com

Европейский банк реконструкции и развития (далее – ЕБРР) – международная межправительственная организация (далее – ММО), которая имеет ряд учредительных договоров, собственные органы, принимающие соответственные внутриорганизационные и рекомендационные решения по вопросам экономической деятельности. Именно эти особенности позволяют ЕБРР выступать в международных отношениях правоспособным, дееспособным и деликтоспособным актером.

Автор рассматривает международную правосубъектность ЕБРР, выходя из объективного, а также материального подходов признания существования и объема международной правосубъектности ММО. Тем не менее, ММО основывают государства, что означает, что ее правосубъектность базируется на воле государств, но не является производной. Государства не вправе своевольно распоряжаться правами ММО. Учитывая правотворчество ММО как субъекта международного права, можно сделать вывод о производном от международного правопорядка характере правосубъектности ЕБРР. При этом последняя имеет конвенционные и фактические ограничения, связанные собственно со структурой и генезисом ММО.

Права, которые следуют из правосубъектности ЕБРР, в своей совокупности предполагают способность, предусмотренную Международным Судом ООН - «способность деятельности на международной арене». Общую категорию таких прав можно свести в такие рамки:

- право выражать свою волю посредством различных юридических средств международного права, приводящих к юридическим последствиям (например, право ЕБРР заключать односторонние и многосторонние договора, право быть ответчиком в суде, предусмотренное статьей 46 Соглашения об учреждении ЕБРР);
- права, наделяющие ЕБРР способностью действовать на международной арене как субъект международного права и вступать в отношения с другими такими субъектами (например, права ЕБРР, предусмотренные статьей 58 Устава ЕБРР).

Проанализировав доктрину опосредованных полномочий и принцип функциональных ограничений, истекает право ЕБРР на осуществление международной деятельности в его сдержанном (ограниченном) техническом значении. ЕБРР проявляет собственную волю только лишь касательно вопросов, которые были прямо или косвенно определены государствами в виде функций, полномочий, целей ММО. Государства имеют право в определенном порядке оспаривать юридическую силу последствий деятельности ММО, основываясь лишь на несущественности или неважности таких последствий.

Кроме того, анализ доктрины опосредованных функций и полномочий, созданной Феррари-Браво и Джиардино, доказал несущественность разделения понятий «функции» и «полномочия». Тем не менее, статья 1 Учредительного соглашения ЕБРР называется «Цель, функции и членство», где под функциями определяются основные направления деятельности данной ММО. В этой же главе Соглашения речь идет об опосредованных полномочиях, явно не выраженных в статутных документах, но определенных для достижения цели ЕБРР и способствованию исполнению указанных функций. Статья 20 Соглашения предусматривает не и счерпывающий перечень полномочий ЕБРР, что и подтверждает доктрину прямой и опосредованной компетенции, основанную Рюе-Хемереем.

Литература:

1. Anthony Aust, Handbook Of International Law, - Cambridge University Press, 2002, - 496с.
2. Bowett. The Law Of International Institutions . – London, British Press Year Book, 1964.
3. Manuel Rama-Montaldo. International Legal Personality and Implied Powers of International Organizations. - University of Montevideo Press, 1970.
4. Martson Geoffrey. The personality of international organisations in English law. – Hofstra Law and Policy Symposium, 1997.
5. Rouyer-Hameray. Les Compénces implicites des organisations internationales. – Marceille: Université Presse, 1962.
6. [http:// http: //www.ebrd.com/](http://www.ebrd.com/) (Европейский банк реконструкции и развития).

Признание Косово – вызов международной безопасности

Безуглова Татьяна Юрьевна

студентка

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

Институт российского и международного права

Отделение международно-правовой специализации

г. Саратов

Tatyana8705@mail.ru

В современных международных отношениях региональные конфликты превратились в доминирующую форму диалога между странами. Это явление стало объективной реальностью общественного бытия. Само появление новых очагов раздора уже никого не удивляет, покончить с ними не возможно. Но вот мирно урегулировать какой-либо конфликт в рамках международного права – обязанность всего мирового сообщества, которое разводит "драчунов" по разным углам, требуя от них успокоиться и договориться.

До сих пор это было общепризнанной нормой. Не просто нормой - одним из фундаментальных принципов, на которые опирается современный мир. Ибо в основе его не просто положение международного права. В этом элементарная справедливость: в конфликте виновны обе стороны, им и договариваться, им учиться уступать и жить

вместе, как подобает цивилизованным народам. Международное сообщество вмешивается, чтобы пресечь беззаконие и кровопролитие, спасти жизни. Но не для того, чтобы помочь одной из сторон добиться победы и реализовать свои цели без оглядки на интересы другой стороны и на право. Такого пока не было.

И вдруг, уникальный пример – провозглашение независимости Косово, поддержанное правительствами большинства стран вопреки Хельсинскому международному договору 1975 года о нерушимости границ суверенных государств, провозгласившему правило: отделение части от государства допускается только с их обоюдного согласия и только политическими средствами. Кроме того, Косово не обладает необходимыми основаниями для признания независимым государством. Так, автономный край Косово не имеет четко определенной территории и границ, а также не осуществляет властных полномочий на собственной территории, поскольку в данный момент эти полномочия осуществляет ООН.

Какие же последствия несет с собой подобный казус?

В первую очередь, хочется отметить пошатнувшийся авторитет международного права и Организации Объединенных наций, которая начинает напоминать Лигу Наций, не сумевшую предотвратить в свое время Вторую Мировую войну.

Во-вторых, в мире сейчас насчитывается около 200 конфликтных этнических регионов, где существует острое недовольство тем, сколько суверенитета им отмерено национальными конституциями. Уже на десятки идет счет непризнанных республик, фактически отпавших от своих "материнских" государств. И все эти «мины замедленного действия» очень внимательно следят за судьбой Косово.

Так, первыми в очереди за суверенитетом стоят Абхазия и Южная Осетия. Затем третья автономия постсоветского пространства – Приднестровье. Но и это далеко не все. Внутри благополучного Евросоюза также стали крепнуть сепаратистские настроения.

Региональное правительство Страны Басков - автономной области на севере Испании - увидело в решении Косово "пример для подражания". Каталония собирается идти аналогичным путем.

Взять на вооружение опыт косовских албанцев готовы и некоторые представители Палестинской автономии.

И, наконец, третья опасность, к которой приведет независимость автономного края Косово – это размещение на его территории Соединенными Штатами крупнейшей засекреченной военной базы "Бондстил". О "Бондстил", о том, что происходит внутри и вокруг нее, известно крайне мало.

Последствия косовского прецедента в целом – это нарушение всякой управляемости мира, это вспышки конфликтов разного рода по всему земному шару, возникновение предпосылок новой холодной войны.

Мы не должны забывать, что от действий мирового сообщества сегодня зависит диалог между цивилизациями завтра.

Трансформационные модели реструктуризации международных организаций спутниковой связи

Волошко Юлия Анатольевна

аспирант

Институт международных отношений при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, факультет международного права

E-mail: julia_voloshko@yahoo.com

Предоставление услуг спутниковой связи является уникальной сферой взаимодействия публичных и частных интересов. Первоначально сформированная на

международном уровне согласно нормам международного публичного права, сейчас эта сфера всё больше ощущает на себе влияние международного частного права, что приводит к переоценке всей стратегии предоставления такого рода услуг.

Стремительное развитие телекоммуникационных технологий, интенсификация международного сотрудничества, появление большого числа телекоммуникационных компаний, а также изменение политического климата, привели к тому, что первоначально разработанные модели деятельности международных организаций спутниковой связи (МОСС) безнадежно устарели и не могут соответствовать современным требованиям как в экономическом, так и в правовом смысле.

В этом контексте представляется актуальным проследить основные трансформационные модели реструктуризации, внедряемые в рамках МОСС.

Такие МОСС как ИНМАРСАТ, ЕВТЕЛСАТ, ИНТЕРСПУТНИК и ИНТЕЛСАТ изначально имели двойственную структуру. Наряду с декларированием своей деятельности по предоставлению телекоммуникационных услуг как глобальной и осуществляемой исключительно в мирных целях, а также предоставляемой на недискриминационной основе, что присуще только международным организациям (МО), большинство из них имеют статус юридического лица и прямо предусматривают в своих соглашениях порядок регулирования целого ряда частно-правовых и финансовых вопросов (распределение доходов и прибыли, инвестиционные вопросы, порядок оплаты за пользование услугами), что присуще именно частным компаниям.

Необходимость достижения компромисса в структуре таких организаций также подтверждается наличием двух основополагающих документов МОСС: Конвенции, сторонами которой могут быть только государства, и Эксплуатационного соглашения, участниками которого являются назначенные сторонами компетентные национальные организации (как государственные, так и частные). Такое разделение соответствует основополагающему принципу международного космического права про международную ответственность государств за национальную деятельность в космосе, осуществляемую её органами или юридическими лицами.

В этой связи возникает необходимость к выделению в структуре МОСС отдельных компаний, деятельность которых должна сосредоточиться на предоставлении всего комплекса телекоммуникационных услуг на коммерческой основе. Это не подразумевает исчезновения “материнских” МО, они должны продолжать свою деятельность по соблюдению международных стандартов и процедур, а также укреплению сотрудничества на международной арене в целом. О таких тенденциях свидетельствует высокая активность МОСС в рамках ООН, МСЕ, ЮНЕСКО, ЕС, а также участие в многочисленных международных форумах, наиболее заметными из которых в последнее время стали Международные саммиты по информационному обществу.

Таким образом, получение коммерческой выгоды должно соотноситься с соблюдением общечеловеческих ценностей и обязательным обеспечением доступа к новейшим технологиям со стороны развивающихся стран.

Предложенные на сегодня модели реструктуризации МО спутниковой связи являются лишь первым этапом в процессе построения нового информационного пространства и должны стать предметом самого пристального внимания со стороны как международных организаций, так и научных сообществ.

По мнению автора, на сегодняшний день можно выделить четыре трансформационные модели МОСС, каждая из которых имеет свои особенности:

1. Модель, внедряемая с 2001 года в рамках ЕВТЕЛСАТ, предусматривала создание под её контролем национальной компании ЕВТЕЛСАТ С.А. (Eutelsat S.A.). В дальнейшем создана холдинговая компания ЕВТЕЛСАТ Коммуникейшенс (Eutelsat Communications), которая владеет частью ЕВТЕЛСАТ С.А. Относительно

международно-правовых аспектов, ЕВТЕЛСАТ продолжает сотрудничать на международном уровне с ООН, МСЕ, ЕКА и МАФ. Кроме этого ЕВТЕЛСАТ предоставляет помощь странам в рамках проекта по созданию Региональной африканской системы спутниковой связи.

2. Несколько иную стратегию избрал ИНТЕРСПУТНИК. На первом этапе в 1997 году создано совместное предприятие при участии корпорации “Локхид Мартин” (США) под названием “ Локхид Мартин - ИНТЕРСПУТНИК” для предоставления всего комплекса телекоммуникационных услуг, включая запуск спутников, их дальнейшее использование и эксплуатацию. В 2005 году создана международная группа лицензированных операторов спутниковой связи ИНТЕРСПУТНИК Холдинг, которая осуществляет свою деятельность на основании двух моделей: 1) посредством подписания соглашений о сотрудничестве и 2) посредством создания дочерних компаний и совместных предприятий. Наряду с этим, ИНТЕРСПУТНИК сотрудничает с ООН, МСЕ, ЮНЕСКО и принимает участие во многих международных проектах.

3. Следуя общей тенденции, в 1997 году ИНТЕЛСАТ также принял решение про создание филиала для предоставления телекоммуникационных услуг на коммерческой основе. В 1998 году создана компания НЬЮ СКАЙС САТЕЛЛАЙТС (New Skies Satellites), которой впоследствии переданы 5 спутников ИНТЕЛСАТ. Уже в 2001 году ИНТЕЛСАТ становится частной компанией. В 2005 году создаётся ИНТЕЛСАТ ХОЛДИНГ ЛТД (Intelsat Holdings Ltd.), который в следующем году объединяется с группой ПанАмСат Холдинг. Кроме этого ИНТЕЛСАТ принимает участие во многих международных инициативах (например, проект Доступ (Access), направленный на бесплатное использование спутниковых технологий для демонстрации услуг в сфере охраны здоровья и образования).

4. Модель, принятая в рамках ИНМАРСАТ, тоже предполагала создание частной компании ИНМАРСАТ ХОЛДИНГ ЛТД (Inmarsat Holdings Ltd), которая в 2000 году переименована в ИНМАРСАТ ВЕНЧУРС ЛТД (Inmarsat Ventures Ltd.). Однако, в данном случае, “материнская” МО имеет в такой частной компании часть активов, которая обеспечивает ей возможность налагать вето на определённые решения. Также между ними подписано соглашение о предоставлении общественных услуг. Кроме сотрудничества с международными организациями, ИНМАРСАТ также предоставляет помощь развивающимся странам в рамках образовательных программ, а также в ряде экспериментальных проектов.

Как следует из вышеизложенного, изменение рынка телекоммуникационных технологий привело и к изменениям правовых моделей его регулирования, которые коснулись как структуры МОСС, так и организационных основ их деятельности. Дальнейшее внедрение и усовершенствование рассмотренных моделей приводит к необходимости решения целого ряда вопросов относительно привилегий и иммунитетов, обязанностей и прав таких структур, разделения полномочий между ними, осуществления контроля за их деятельностью и, главное, вопросов ответственности как в международно-правовом, так и в частно-правовом контексте.

Эколого-правовые правила использования, воспроизводства природных ресурсов и охраны природной среды.

Ганберов Даишгын Меджид оглы

*аспирант кафедры Международного публичного права
Бакинского Государственного Университета*

К числу ведущих принципов относится группа правил, которых объединяет общая целевая направленность, определенное сходство в правовом регулировании при одновременном сохранении относительной самостоятельности. В эту группу входят три

правила: правовое регулирование использования природных ресурсов; правовое обеспечение их воспроизводства; правовая охрана окружающей среды. Правовые предписания, основанные на этих правилах, по целевой направленности имеют много общего. В частности, правовые нормы, определяющие поведение субъектов при использовании природных ресурсов обеспечивают достижение, главным образом, двух целей: во-первых, потребление природных элементов посредством их эксплуатации удовлетворяет экономические и экологические интересы государства, коллективных образований, индивидов; во-вторых, потребление соответствующих природных объектов в определенных пределах (лимитах) обеспечивает поддержание нормального экологического равновесия.

Главной целью охраны окружающей среды является обеспечение посредством различных форм и способов экологического равновесия в государстве либо в его отдельных регионах. Воспроизводство природных объектов также в конечном счете направлено на обеспечение указанного равновесия, однако воспроизводство осуществляется, главным образом, двумя способами: естественным и искусственным.

Анализ литературы показывает, что поданной проблеме имеется самая обширная литература.⁸

Поэтому с учетом целей исследования в данной работе анализируется в общих чертах правовые предписания о природопользовании применительно к характеристике этого правила в условиях формирования рыночных отношений в экономике.

Обращают на себя внимание правовые предписания о целевом использовании природных ресурсов. В некоторых законах целевое использование природных ресурсов четко обозначено (например, в Земельном кодексе, Законе о животном мире). В некоторых же законах вовсе не упоминаются цели использования или упоминаются вскользь (Водный кодекс, Лесной кодекс, Кодекс о недрах, Закон об охране атмосферного воздуха).

Возникает принципиальный вопрос, требующий научного обоснования. Прежде всего, рыночные отношения в экономике не должны приводить к игнорированию целевого использования природных ресурсов. Данная направленность обусловлена не умозаключением отдельных лиц, а объективными экологическими факторами. Целевое использование преследует две главных цели: а) удовлетворение экономических потребностей общества, коллективных образований, индивидов; б) обеспечение экологического равновесия в государстве.

Кроме целевого использования необходимо обеспечение рационального и эффективного использования природных объектов. Здесь также осуществляется сочетание экономических и экологических аспектов⁹.

В литературе правильно подчеркнуто, что при комплексном использовании природных объектов важно учитывать все экосвязи каждого природного элемента с другими природными объектами, поскольку эти экосвязи обусловлены взаимодействием природных законов, при этом рекомендуется учитывать не только текущие, но и перспективные последствия хозяйственной деятельности каждого предприятия¹⁰. В правовой литературе, хотя и недостаточно, но уделяется определенное внимание правовым вопросам воспроизводства природных ресурсов.

⁸ 1. Калиниченко Т. Г. Право сельскохозяйственного водопользования. М.: Наука, 1989
2. Крассов О. И. Право лесопользования в СССР. – М.: Наука 1990г.

⁹ Ерофеев Б. В. Экологическое право. – М.: Высшая школа 1992г. с. 50-51

¹⁰ Ерофеев Б. В. Экологическое право. – М.: Высшая школа 1992г. с. 51-52

Охранительные правовые нормы установлены также в других законах и подзаконных нормативных актах, имеющих отношение к экологии. Так, в лесном, фаунистическом, земельном, горном, водном, атмосферо-воздушном, природно-заповедном законодательстве имеются специальные разделы или группа статей, посвященных охране соответствующих природных объектов. Анализ названного законодательства дает основание для вывода о том, что в специальных законодательных актах дублируется немало предписаний, изложенных в законе об охране окружающей среды, что нельзя признать нормальным явлением. В целом правовую основу охраны окружающей среды следует признать вполне оптимальной, поскольку правовые предписания охранительного законодательства достаточно полно определяют поведение субъектов экологического права при охране природы. Полнота законодательства об охране природы в значительной степени объясняется научной разработанностью в этой сфере. Правовому охранительному аспекту окружающей среды посвящена широкая литература экологической, административной, уголовно-правовой направленности¹¹.

По моему мнению, охрана окружающей среды представляет собой систему государственных и общественных мер, направленных на обеспечение гармоничного взаимодействия общества и природы на основе сохранения и воспроизводства природных богатств, рационального использования природных ресурсов, улучшения качества окружающей человека жизненной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беличенко Ю. П., Волков В. И. Правовая охрана вод. – М.: Юридическая литература, 1980г.
2. Борисов В. А., Белоусова Л. С., Винокуров А. А. Охраняемые природные территории мира. – М.: Агропромиздат, 1985г.
3. Водный кодекс Азербайджанской Республики. 26 декабрь 1997-го года, № 418-ІQ
4. Гайворонская Т. Н. Правовое регулирование и охрана воспроизводства рыбных ресурсов в СССР: Автореф. дисс., канд. юрид. наук. М. 1990г.
5. Ерофеев Б. В. Экологическое право. – М.: Высшая школа 1992г.
6. Закон Азербайджанской Республики о животном мире, 4 июнь 1999-го года, № 675 ІQ
7. Земельный кодекс Азербайджанской Республики. 4 июнь 1999-го года, № 695-ІQ
8. Калининченко Т. Г. Право сельскохозяйственного водопользования. М.: Наука, 1989
9. Крассов О. И. Право лесопользования в СССР. – М.: Наука 1990г.
10. Краткий экономический словарь. Под. ред. Ю. А. Беллина. – М. 1989
11. Охрана окружающей среды в ГДР: очерк природоохранительного права. М.: Прогресс, 1986г.
12. Повелицына П. Ф. Уголовно-правовая охрана природы в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981г.
13. Торопова Н. М. Правовое регулирование и охрана воспроизводства рыбных ресурсов в СССР: Автореф. дисс., канд. юрид. наук. М. 1987
14. Социалистическое природопользование. М.: София, 1980г.

¹¹ 1. Беличенко Ю. П., Волков В. И. Правовая охрана вод. – М.: Юридическая литература, 1980г.

2. Борисов В. А., Белоусова Л. С., Винокуров А. А. Охраняемые природные территории мира. – М.: Агропромиздат, 1985г.

3. Повелицына П. Ф. Уголовно-правовая охрана природы в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981г.

Характеристика исторических вод Российской Федерации на основе правового режима залива Петра Великого

Гусаревич Галина Константиновна

студент

*Дальневосточный Государственный Университет, Юридический Институт,
Международно-правовой факультет, Отделение международного морского права,*

Владивосток, Россия

E-mail: ggklaw@yahoo.com

Если рассматривать правовой режим в качестве юридической категории, определяющей правила использования отдельными государствами или группой государств морских акваторий и их ресурсов, то с данной точки зрения можно выделить морские территории с государственно-правовым режимом. К таким территориям можно будет отнести внутренние морские и территориальные воды.

В доктрине международного права под историческими водами принято понимать морские акватории, в отношении которых то или иное прибрежное государство осуществляет свои суверенные права на основании существования особого исторического права. Кроме того, авторами подчеркивается правовая «близость» концепции исторических вод и непосредственно самой сущности исторического права в целом с одной стороны, и концепции обычаев, длительности владения определенной территорией с другой. Эффективное осуществление суверенитета прибрежного государства на протяжении значительного периода времени безусловно необходимо, причем такое осуществление должно включать регулирование транзита, рыболовства и другой деятельности своих граждан и иностранцев и «должно быть обосновано жизненными интересами прибрежного государства», включая оборонные и экономические интересы района.

Общее согласие других государств с существующей практикой является одним из обязательным элементов признания внутренних акваторий государства историческими. Однако существует два основных подхода, определяющих способ выражения такого согласия. Одни авторы утверждают, что для признания данных вод историческими необходимым является лишь отсутствие возражений со стороны государств, права которых могут быть затронуты при осуществлении суверенитета на данные воды, другие же утверждают, что данное согласие должно быть выражено в форме позитивного акта. Таким образом, можно говорить об активном и пассивном выражении согласия на осуществление суверенитета. Также отмечается, что при этом осуществление власти должно быть мирным, длительным и непрерывным. Третьи же авторы считают выделение двух данных подходов бесполезным, т.к. при активном выражении протеста на осуществлении власти нельзя будет говорить о непрерывности и длительности такого права.

На основе рекомендательных положений, выработанных в рамках третьей конференции ООН по морскому праву в российской доктрине были сформированы следующие основные черты концепции исторических вод:

1. В исторических водах прибрежное государство должно осуществлять свои права длительное время и непрерывно, т.е. должен сложиться определенный «национальный обычай». Эти права должны осуществляться очевидным для других государств образом. Однако для этого не требуется какой-либо официальной нотификации другим государствам о своих административных правах в этих пространствах, издания им нормативных актов, публикации выступлений и заявлений официальных лиц и других публичных действий.
2. Исторические права должны признаваться другими государствами, т.е. национальный обычай должен превратиться в международный. Такое признание не обязательно

должно быть явно выраженным, оно может просто подразумеваться как результат «общей терпимости» других государств по отношению к факту осуществления этих прав государством.

3. Исторические воды должны иметь особое географическое положение – непосредственно примыкать к территории данного государства и находиться в стороне от международных морских путей. Их объявление не должно препятствовать осуществлению международного судоходства.

4. Объявление вод историческими должно играть существенную роль с точки зрения экономики и обороны прибрежного государства.

Примером исторических вод Российской Федерации может служить Залив Петра Великого, расположенный на Дальнем Востоке до линии, соединяющей устье реки Тюмень-Ула с мысом Поворотный (ширина входа 102 морские мили). Статус залива Петра Великого как «исторического залива» был определен Россией в 1901 году в правилах морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства, а также в соглашениях России и СССР с Японией по вопросам рыболовства 1907, 1928 и 1944 годов. Этот статус залива Петра Великого был подтвержден изданным в 1957 году Постановлением Совета Министров СССР.

Залив Петра Великого находится в северо-западной части Японского моря. Воды исторического залива Петра Великого, ограниченные со стороны моря линией, соединяющей устье реки Туманная с мысом Поворотный, являются внутренними водами России, а указанная линия служит исходной для отсчета ширины российских территориальных вод в сторону моря.

Для признания залива историческим были соблюдены все требования, установленные международным правом. Залив Петра Великого является одним из наиболее ярких примеров института исторических вод в международном морском праве.

Литература

1. Ковалев А.А., Черниченко С.В. (2006) Международное право. М.: Омега-Л.
2. Cassese, A. (2005) International law. New York.: Oxford University Press.
3. Butler, W. (1968) The Legal Regime of Russian Territorial Waters // The American Journal of International Law, Vol.62, No. 1, pp.51-77.
4. Pharald, D. (1971) Historic Waters in International Law with Special Reference to the Arctic // The University of Toronto Law Journal, Vol.21, No.1, 1-14.
5. <http://ru.wikipedia.org/> (*Залив Петра Великого*)
6. www.chava.ru/ch-bay.htm (*Залив Петра Великого*)
7. www.fegi.ru/PRIMORYE/SEA/sea_tot.htm (*Прибрежная зона Японского моря и залив Петра Великого*).

Привилегии и иммунитеты персонала международно-финансовых организаций

Дунас Оксана Игоревна

Аспирант

*Львовский национальный университет им. И. Франко, факультет
международных отношений, г. Львов, Украина*

E-mail: ustynal@yandex.ru

Среди привилегий и иммунитетов персонала МФО традиционно различают судебный иммунитет, привилегии персонала МФО относительно налогообложения, привилегии относительно передвижения, привилегии касательно иммиграции, что по своей структуре и по содержанию в целом совпадают с привилегиями и иммунитетами

МФО. Субъектом указанных привилегий и иммунитетов выступает персонал МФО, который можно разделить на две категории: *должностные лица* (руководители, исполнительные директора, их заместители и т.д.) и *служащие* (члены комитетов, советники, эксперты, консультанты).

В соответствии с нормативным содержанием судебного иммунитета персонал МФО не несет ответственности за свои действия при выполнении официальных функций, за исключением случаев отказа от такого иммунитета, как трактуются учредительными актами МФО. Следует отметить, что в случае *Соглашения о АзБР* (Азиатский банк развития) и *Соглашения о МаБР* (Межамериканский банк развития) исключение из судебного иммунитета персонала МФО в форме оговорки от иммунитета является лишним, поскольку оно охвачено соответствующими положениями ст. 58 этих актов [1], отдельно посвященным случаям отказа от иммунитета. Вместе с тем, ограничением предметной сферы действия судебного иммунитета персонала МФО служит не только отказ от такого иммунитета, но и случаи гражданской ответственности за причиненный ущерб в результате дорожно-транспортного происшествия (ст. 51 *Соглашения о ЕБРР* [2]).

На фоне рассмотренных положений учредительных актов МФО, касающихся судебного иммунитета персонала МФО, особенно выделяются положения ст. 9 (раздел 8) *Соглашения о МВФ* [3], в которой персонал наделяется иммунитетом от юрисдикции относительно действий при выполнении официальных функций.

Кроме этого, заслуживает внимания и оригинальный подход в отношении определения судебного иммунитета персонала МФО, использованный в *Соглашении о ЕБРР* – единственный в своем роде и нетипичный для других учредительных актов МФО. Так, в ст. 51 *Соглашения о ЕБРР* [2] в рамках судебного иммунитета персонала МФО признается *неприкосновенность официальных документов персонала*. На наш взгляд, целесообразнее, по аналогии с соответствующими статьями учредительных актов МФО относительно неприкосновенности архивов (к примеру, ст. 9 (раздел 5) *Соглашения о МВФ* [3], ст. 7 (раздел 5) *Соглашения о МФК* [4] и другие), изложить неприкосновенность официальных документов персонала ЕБРР в отдельной статье.

В системе *привилегий персонала МФО* особенную роль играют привилегии МФО относительно передвижения, которые органически дополняют привилегии в отношении обеспечения официальных сношений МФО. Во всех указанных учредительных актах МФО суть привилегий персонала МФО относительно передвижения заключается в том, что персонал МФО пользуется аналогичным режимом передвижения, который предоставляется государствами-членами персоналу в отношении других членов.

Среди других привилегий персонала МФО, кодифицированных учредительными актами МФО, следует отметить привилегии персонала МФО относительно налогообложения. Вопрос привилегий персонала МФО относительно налогообложения не получил нормативно-правового регулирования. На наш взгляд, способ закрепления привилегий персонала МФО относительно налогообложения в рассмотренных учредительных актах МФО может послужить основанием для критики. Так, привилегии персонала МФО относительно налогообложения, как правило, рассматриваются в одной статье под общим названием «*привилегии относительно налогообложения*» (например, ст. 57 *Соглашения о АфБР* [4], ст. 7 (раздел 9) *Соглашения о МФК* [4], ст. 7 (раздел 9) *Соглашения о МБРР* [5] и другие).

Принимая вышесказанное во внимание, по аналогии с судебным иммунитетом МФО и судебным иммунитетом персонала МФО, по нашему мнению, целесообразнее посвятить привилегиям персонала МФО относительно налогообложения отдельные статьи. Характеризуя привилегии персонала МФО относительно налогообложения, следует отметить, что указанный вид привилегий создает особенный режим налогообложения, а именно: налоги не взыскиваются с заработной платы и каких-либо

других денежных вознаграждений персонала МФО, при условии, что они не являются гражданами или резидентами государства пребывания МФО. В определенных случаях (например, ст. 56 Соглашения о АзБР [1] или ст. 53 (п. 7) Соглашения о ЕБРР [2]) механизм налогообложения заработной платы представителей персонала МФО, которые являются гражданами государства-члена, дополнительно предусматривает предварительное депонирование государством-членом ратификационной грамоты или соответствующее заявление по этому поводу. Кроме этого допускается *внутреннее фактическое налогообложение* персонала МФО в пользу зарплат и вознаграждений, которые выплачиваются МФО и определяются правилами, установленными МФО, что встречается исключительно в ЕБРР (ст. 53 (п. 6) Соглашения о ЕБРР [2]).

Следующую категорию привилегий персонала МФО составляют другие привилегии персонала МФО, среди которых следует выделить привилегии относительно ограничений на въезд, привилегии относительно регистрации иностранцев и обязанностей национальной службы, а также льготы касательно валютных ограничений, которые функционируют для персонала МФО на условиях и основаниях, аналогичных для персонала других государств-членов.

При этом указанные привилегии персонала МФО не касаются лиц, которые являются гражданами государства размещения МФО. Среди других привилегий персонала МФО особенно стоит обратить внимание на *возможности трудоустройства* для персонала МФО и членов их семей, которые проживают в государстве местонахождения штаб-квартиры МФО или агентства МФО, предусмотренные ст. 52 Соглашения о ЕБРР [2].

Подводя итоги анализа привилегий и иммунитетов персонала МФО, необходимо констатировать, что привилегии и иммунитеты являются признаком международно-правового статуса МФО и обеспечивают их функциональную независимость. Правовым основанием договорной природы привилегий и иммунитетов МФО и их персонала выступают учредительные акты МФО и акты национального законодательства государств-членов МФО. Несмотря на это, в учредительных актах МФО используются разные подходы относительно содержания и объема привилегий и иммунитетов, что обусловлено спецификой функций и заданий соответствующих МФО.

Литература:

- 1 Agreement Establishing the Asian Development Bank (<http://www.adb.org/Documents/Reports/Charter/charter.pdf>);
2. About the EBRD (<http://www.ebrd.com/about/index.htm>)
3. Articles of Agreement of the International Monetary Fund (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/aa.pdf>).
4. Статьи Соглашения о создании Международной Финансовой Корпорации (с поправками, действительными по 28 апреля 1993 г. включительно) ([http://ifcln1.ifc.org/ifcext/about.nsf/AttachmentsByTitle/russian_articles/\\$FILE/russian_articles.pdf](http://ifcln1.ifc.org/ifcext/about.nsf/AttachmentsByTitle/russian_articles/$FILE/russian_articles.pdf))
5. Статьи Соглашения Международного Банка Реконструкции и Развития 1945 года (<http://www.rada.kiev.ua>).

Слияние и поглощение компаний по праву Европейского Союза

Калиманов Андрей Петрович

студент

Государственный Университет Управления, Институт бизнес-права, Москва, Россия

E-mail: ibp-nauka@mail.ru

В условиях глобализации концентрация капитала и в первую очередь путем международных слияний и поглощений стала движущей силой развития мировой экономики. В начале XXI века этот процесс нашел свое наиболее яркое проявление в ЕС.

Одновременно правовое регулирование слияний и поглощений служит одним из основных инструментов формирования юридической инфраструктуры для единого внутреннего рынка Сообщества, создание которого является первоочередной целью европейской интеграции на современном ее этапе. С образованием «Общего рынка» начался качественно новый этап в развитии права объединившихся в экономико-политический союз государств вообще и их компаний в частности. Ставя конечной целью в этой области юридическую интеграцию стран ЕС, создатели «Общего рынка» стремятся формировать единое право ЕС, которое было бы не простым общим регулятором межгосударственных экономических отношений, а регламентировало бы хозяйственные связи на всей территории «внутреннего» рынка ЕС, поглотившего национальные рынки стран-участниц. Основой для унификации и гармонизации права в этой области служит Римский договор о ЕС с учетом последних изменений, внесенных в него Маастрихтским, Амстердамским и Ницким договорами. Его статьи, посвященные регулированию права компаний в целом, немногочисленны, но имеют большое значение для формирования единой экономики. Эти статьи можно разделить на две категории. Одни касаются непосредственно «свободы учреждения» и деятельности компаний на территории «Общего рынка», другие направлены на формирование единого для всех стран-участниц права компаний посредством как принятия директив Советом ЕС, так и проведения межгосударственных переговоров.

Правовой базой сближения и координации права о компаниях государств-членов ЕС служит статья 44 Римского договора о ЕС согласно которой Совет ЕС и Комиссия ЕС принимают по мере необходимости директивы с целью координации норм законодательства государств-членов. Директивы формируют так называемую Программу гармонизации права компаний ЕС. Они представляют собой попытку стимулировать правовыми средствами трансграничное движение компаний посредством уменьшения различий национальных правовых систем государств-членов и разработке общих правил игры для всех хозяйствующих субъектов государств-членов. Программа гармонизации представляет собой четырнадцать основополагающих директив, из них четыре регулируют вопросы непосредственно связанные с процессом слияния и поглощения компаний (четвертая, шестая директивы и находящиеся в проекте десятая и четырнадцатая).

Попытка придать общий характер регулированию слияний по законодательствам государств-членов предпринята в Третьей директиве Совета ЕС от 9 октября 1978 г. Директива имеет огромное значение в связи с той первостепенной ролью, которая отводится в ЕС концентрации капитала путем международных слияний и поглощений компаний различных государств-членов, которые значительно затруднены вследствие существенных различий во внутренних законодательствах. В ней закрепляется основной принцип юридических слияний: универсальное правопреемство путем слияния компании без ликвидации. В Директиве юридический акт слияния определяется как полная передача всех активов и обязательств поглощенной компании без ее ликвидации поглощающей компании путем выпуска специальных акций поглощающей компанией и передачи их акционерам поглощенной. Принцип универсального правопреемства дает возможность компаниям функционировать без специальных актов передачи активов одного юридического лица другому и служит гарантией для кредиторов поглощенной компании. Предусмотрено два вида слияний - путём поглощения (*merger by acquisition*), и путём образования новой компании (*merger by formation of a new company*). Главным нововведением для всех государств-членов, по мнению некоторых авторов, на тот

момент заключалось, во-первых, в том, что правильность слияния и его соответствие закону проверяется независимым контролером, и, во-вторых, в том, что отчет о слиянии должен обсуждаться с представителями рабочих мнение которых обязано учитывать общее собрание акционеров, прежде чем принять решение о слиянии. В целом, Третья директива носит компромиссный характер и оставляет большую свободу для применения национальных законодательств о компаниях в отношении слияний.

С точки зрения юридической техники, операция по разделению компаний идентична слияниям. Разделения также служат одним из основных правовых средств международной концентрации капитала в ЕС и регулируется Шестой директивой Совета ЕС. Также как и в отношении слияний, Директивой предусматривается два вида разделений: путем поглощения (division by acquisition) и путем образования новых компаний (division by formation of new companies). Согласно Директиве, при первом виде разделения компания прекращает свое существование без ликвидации и передает все свое имущество, активы и пассивы нескольким другим компаниям взамен получения акционерами разделенной компании акций компаний, поглотивших ее. Аналогичная техника и принцип универсального правопреемства предусмотрены и для второго вида разделений. Только в этом случае активы и пассивы разделенной компании передаются не существующим, а вновь образованным компаниям.

О трансграничных (международных) слияниях речь идет в проекте Десятой директивы. По существу, ее содержание представляет собой комплекс коллизионных норм, регулирующих проблему выбора закона одного из государств-членов, акционерные общества которых участвуют в международных слияниях. В целом директива призвана максимально ограничить круг причин, препятствующих слияниям компаний различных государств-членов ЕС, и тем самым стимулировать процесс концентрации капитала на уровне ЕС, Однако по ряду причин остается лишь проектом.

Еще одним неразрешенным вопросом международного частного права в рамках ЕС и тесно связанным с правовым регулированием слияний и поглощений компаний является свободное трансграничное перемещение зарегистрированного местонахождения и центрального управления компании. Проект четырнадцатой директивы призван обеспечить возможность переноса как уставного, так и фактического места нахождения компании в другое государство с сохранением правоспособности, но со сменой применимого к компании права.

Наряду с «директивным методом» Римским договором о ЕС предусматривается формирование единого механизма регулирования концентрации капитала путем заключения международных конвенций. К помощи конвенций прибегают тогда, когда решения, предлагаемые национальным правом или правом сообщества, оказываются неэффективными.

Литература

1. Калашников Г.О. Правовое регулирование слияния и поглощения компаний по праву ЕС. Дис. канд. юрид. наук. М.: 2005.
2. Рациборинская Е.Н. "Слияние", "поглощение" и "разделение компаний" в свете российского права и права ЕС: соотношение понятий // Юрист. - М.: Юрист, 2003, № 9.
3. Юрьев Е. Меры ЕС по регулированию трансграничных слияний компаний // Корпоративный юрист. - М.: Волтерс Клувер, 2006, № 12.
4. Агеев А.Б. Поглощение компаний по праву Европейского Союза // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - М.: ЮРИТ-Вестник, 2005, № 12.
5. Стародумов И.Н. Слияние компаний по праву ЕС. Изд-во "Универс-групп", 2005.

Применимы ли нормы международного гуманитарного права к современной войне.

Кутузова Юлия Владиславовна

студент 5 курса

Международный Институт Трудовых и Социальных Отношений, юридический факультет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: estrella_demar@mail.ru

Все чаще вспыхивающие вооруженные конфликты постоянно становятся нам напоминанием о том, что человеческое достоинство часто становится одной из первых жертв войны. Во время вооруженных конфликтов, происходящих по всему миру, многочисленные преступления совершаются против гражданских лиц, раненых и больных комбатантов, а также лиц, лишенных свободы. Это происходит, несмотря на то, что практически все государства присоединились к Женевским конвенциям¹², основным документам международного гуманитарного права, которое требует от всех сторон в конфликте защищать жизнь и достоинство лиц, не принимающих или прекративших принимать участие в военных действиях.

Международное гуманитарное право (МГП) содержит достаточное количество положений, которые применимы к современной войне. Проблема только в том, чтобы добиться соблюдения этих положений и применения их на практике всеми сторонами.

Анализируя вооруженные столкновения, произошедшие в разных странах в только начавшемся XXI веке, а также, учитывая специфику большинства из них, незащищенность и судьба тысяч людей, не по своей воле оказавшихся внутри таких конфликтов, вызывает глубокую тревогу. В последнее время все чаще проявляет себя терроризм, который в большей степени затрагивает гражданских лиц и основные нормы гуманитарного права.

Международный Комитет Красного Креста безоговорочно осуждает такие преступления и одновременно он настаивает на том, чтобы шаги, предпринимаемые в ответ на подобные деяния, осуществлялись в рамках, установленных международным правом. Когда борьба с терроризмом принимает форму вооруженного конфликта, государства обязаны соблюдать принципы международного гуманитарного права, даже если речь идет об их безопасности. Это значит, что лица, лишенные свободы, не могут содержаться и допрашиваться, таким образом, и с применением таких методов, которые выходят за рамки права.

Для достижение более эффективного применения норм гуманитарного права государствам необходимо проводить более обширную политику по имплементации в национальное законодательство. Данный процесс подразумевает обеспечение их доступа к закону и его понимание, а также необходимость подготовки личного состава и командования вооруженных сил в этой области, что немало важно, так как именно эти люди выступают с оружием и являются законными воюющими сторонами в конфликтах. Это также означает, что против тех, кто нарушает правила, должны применяться соответствующие санкции, включая, уголовные.

Нарушения и различного рода посягательства можно предотвратить, если в первую очередь МГП сможет выполнять свою превентивную роль. В то время как ряд

¹² Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (III) об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г. более 190 государств являются участниками этих Конвенций.

механизмов регламентированы договорами, основная проблема заключается не столько в недостатке структур, сколько в недостатке политической воли.

Практика применения МГП претерпела значительные изменения за последний период, и поводом основных изменений послужила необходимость приведения в соответствие норм и институтов МГП фактическим условиям современных конфликтов. К сожалению, войны, вооруженные конфликты различного характера – это объективная реальность современного этапа развития человечества, которые независимо от своего характера, ставят под угрозу реализацию большинства основных прав и свобод человека, в том числе важнейшее право человека – право на жизнь.

Представляется, что осуществление МГП - это не только и не столько вопрос законодательной деятельности и принятия соответствующих правоприменительных мер. Важно, чтобы нормы этого права были приняты правосознанием возможно большего числа людей. Таким образом, недостаточно предписать соблюдение определенных правил поведения в ходе вооруженного конфликта. Необходимо включить их в неформальную культуру права, проследить за соответствием правовых норм основополагающим представлениям конкретного народа о должном и нравственном, обеспечить добровольное признание, уважение и доверие к этим нормам.

Стоит отметить что, не смотря на изменения в специфике современных вооруженных конфликтов, нормы гуманитарного права также изменяются, вырабатываются новые положения, которые призваны защищать все население воюющих сторон согласно принципам международного права и морали.

Литература

1. Сергей РОГОЖИН, Международное гуманитарное право в зеркале мнений Журнал "Правозащитник" № 2 за 2000 г.
2. Ф. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996. Т. 2. С. 265
3. Штански Н. В., Международное гуманитарное право и негосударственные формирования.
4. Якоб Келленбергер., Ответственность государств за нарушения международного гуманитарного права 19 мая 2004 года., газета "Financial Times"
5. www.icrc.org (Международный Комитет Красного Креста)

Значение взаимовлияния Суда Европейских Сообществ и национальных судов государств – членов Европейского Союза для развития наднационального права

Комарова Татьяна Вячеславовна

аспирантка

Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого,

Харьков, Украина

E-mail: t_komarova@list.ru

Европейские Сообщества эволюционировали от международных организаций с узкой компетенцией к уникальному образованию, которое имеет глубоко интеграционную природу как «международная организация интеграции», которое ввел испанский ученый де Веласко.

Специфика интеграционной сущности Европейского Сообщества проявляется в действующем праве, в результате реализации и применения которого формируется специфический интеграционный правовой порядок.

Формирование интеграционного правового порядка обеспечивается механизмами и инструментами постоянного контроля и регулирования. Одним из таких инструментов является Суд ЕС. Его практика довольно серьезно повлияла на формирование интеграционного правового порядка в том виде, в котором он функционирует теперь.

Развитие судебной системы ЕС поставило довольно интересный вопрос – какое место занимают в ней национальные суды государств – членов ЕС и как они взаимодействуют с Судом ЕС. Иногда высказывается мнение, что национальные суды в некоторой степени входят в судебную систему ЕС, ибо именно они внедряют право ЕС в правовые системы государств-членов. Эта точка зрения не является институционально обоснованной, поскольку между Судом ЕС и национальными судами не существует иерархии и Суд ЕС не является высшей инстанцией по отношению к национальным судам, однако рациональное зерно в ней имеется. Об этом свидетельствует практика Суда ЕС, которая характеризует национальные суды как «суды общей юрисдикции относительно права ЕС». В таком системном взаимодействии Суд ЕС толкует право ЕС, а национальные суды вводят его непосредственно в действие. При этом национальные суды, хотя институционально не являются элементами судебной системы ЕС, но функционально обеспечивают применение норм права ЕС к правоотношениям, которые возникают в правовом поле Союза.

Взаимодействие Суда ЕС с национальными судами можно квалифицировать как кооперацию, основанную на принципах сотрудничества, и которая приводит к гармонизации правовых систем государств-членов с правом ЕС. Основой такой кооперации является ст. 10 Договора об учреждении Европейского Сообщества и принцип верховенства права Сообщества над внутренним правом государств-членов. Ст. 10 закрепила очень важный для Союза принцип добросовестного сотрудничества государств-членов, который в контексте рассматриваемого вопроса означает, что национальные суды обязаны предоставлять эффективную защиту прав, предоставленных правом Сообщества и то, что они должны толковать свое национальное законодательство таким образом, чтобы оно не противоречило праву Сообщества.

Фундаментальным аспектом кооперации является то, что в своей практике Суд ЕС обеспечивает баланс между интересами государств-членов в контексте принятия во внимание не только норм европейского права, но и национального законодательства. Примером является то, что Суд ЕС при выяснении смысла национального законодательства принимает во внимание не только содержание самого нормативного акта, но и то, каким образом он применяется и какие коррективы в него вносит практика. Особое значение Суд ЕС уделяет практике верховных и конституционных судов государств-членов, поскольку именно они являются наиболее авторитетными судами в рамках государств и чаще всего сталкиваются с вопросами толкования национального права в контексте права ЕС.

На формирование интеграционного правового порядка влияют и национальные суды через непосредственное применение права ЕС. Долгое время многие государства-члены, а, значит, и их суды были не готовы воспринять примат права ЕС над своим национальным правом. Со временем ситуация изменилась и в настоящее время

приоритет отдается не только учредительным договорам, но и нормам вторичного права.

Одним из эффективных аспектов кооперации суда ЕС с национальными судами является и то, что решения Суда ЕС приводят к изменению и увеличению объема юрисдикции национальных судов. Так, в решении по делу *Factortame* Суд ЕС уполномочил национальные судебные органы обеспечивать временные меры судебной защиты, несмотря на то, что их предоставление не предусмотрено национальным законодательством.

Кооперация Суда ЕС и национальных судебных органов – необходимое условие единообразного применения актов Сообществ и решений Суда ЕС. Она приводит к гармонизации правовой системы Союза, который с полным основанием можно охарактеризовать как правовой Союз, который объединяет государства благодаря авторитету права.

Литература

1. De Búrca, G., Weiler, J.H.H. (2001) *The European Court of Justice*. New York: Oxford University Press.
2. Решение Суда Первой Инстанции по делу T-51/89, *Tetra Pak* [1990] ECR II-309.
3. Решение Суда ЕС по объединенным делам 46/93, 48/93, *Brasserie du pêcheur SA v Germany* та *R. v Secretary of State for Transport Ex p. Factortame Ltd* [1996] ECR I-1029.
4. Суд Европейских Сообществ: избранные решения. М.: Норма, 2001.
5. Lenaerts, K. (2007) *The Rule of Law and the Coherence of the Judicial System of the European Union* // *Common Market Law Review*, № 44, p. 1625–1659.

Развитие правового режима судоходства по Дунаю в условиях европейской интеграции

Кулько Андрей Вадимович

аспирант

Киевский университет права Национальной академии наук Украины, Киев, Украина

E-mail: kulko2006@ukr.net

Дунай как наибольшая и важнейшая река Европы в политическом, экономическом, социальном отношении была и остается предметом пристального внимания всех стран континента. Пройдя длинный и сложный путь установления единого механизма международно-правового регулирования различных аспектов использования реки, государства Европы смогли обеспечить активное развитие и преемственность правового регулирования, создали сложный, разветвленный, но в то же время единый и согласованный институционно-правовой механизм.

Современный международно-правовой статус реки определяется прежде всего заключенной в Белграде 18 августа 1948 года Конвенцией про режим судоходства по Дунаю и Дополнительным протоколом к конвенции от 26 марта 1998 года. Основополагающим правовым принципом, который применяется по отношению к Дунаю, является принцип свободы судоходства. Данный принцип подразумевает то, что навигация по реке свободна и открыта для граждан, торговых судов и товаров всех стран на основе равенства относительно портовых и навигационных сборов и условий торгового судоходства. В рамках Дунайской комиссии (ДК), основанной в соответствии с положениями Белградской конвенции и действующей на постоянной основе

международной организации, членами которой являются все придунайские страны, Европейской экономической комиссии ООН и других организаций был принят ряд международных актов, которые регулируют практически все аспекты использования реки, как для народного хозяйства, так и для навигации.

В наши дни основной тенденцией, характерной для европейского континента является процесс всесторонней интеграции, который не обошел стороной и Дунай. Сегодня практически все придунайские государства являются членами Европейского Союза. ЕС, как известно, издает обязательные для всех государств-членов акты, часть из которых регулирует вопросы, связанные с использованием международных рек, в том числе и Дуная. Среди них стоит отметить прежде всего Белую книгу европейской транспортной политики до 2010 года, а также ряд директив ЕС, касающихся использования внутренних водных путей международного значения. В связи с этим прогрессивной тенденцией является активное сотрудничество Европейского Союза и Дунайской комиссии с целью обеспечения наиболее эффективного регулирования использования Дуная, гармонизации и совершенствования норм ЕС и ДК.

В этих условиях важное значение имеет пересмотр Конвенции про режим судоходства по Дунаю 1948 г. с целью адаптации её положений к новым условиям. Работа по пересмотру этого нормативно-правового акта ведется придунайскими государствами уже несколько лет. Конвенция должна быть усовершенствована таким образом, чтобы практическое применение её положений позволило обеспечить развитие свободной навигации и недискриминационной политики с целью развития более тесного сотрудничества и будущей интеграции внутренней навигации в Европе.

Необходимо, чтобы Дунай как эффективный и конкурентоспособный водный путь играл подобающую роль в европейской транспортной политике. Содействовать этому призваны инициативы по улучшению организационных положений Конвенции и реформированию Дунайской комиссии. Комиссия должна быть хорошо адаптирована к новым реалиям и обеспечена средствами для реагирования на вызовы будущего. Не менее важной задачей является повышение эффективности контроля за выполнением её решений.

Проведя анализ возможных изменений к конвенции и проблем, которые необходимо решить, автор пришел к выводу, что в новой редакции Конвенции, в частности, возможным является закрепление следующих положений, которые будут содействовать развитию дунайского судоходства, обеспечат соблюдение интересов всех придунайских государств.

При изменении организационных основ деятельности комиссии следует придерживаться баланса интересов государств-членов. При избрании Генерального секретаря комиссии возможно использование принципа ротации с учетом того, представители каких государств занимают другие должности. Кроме того, важной задачей является усовершенствование работы Секретариата Дунайской комиссии и советников с тем, чтобы обеспечить равномерное распределение обязанностей между сотрудниками в юридической, технической, административной, финансовой сферах деятельности.

В условиях, когда большинство государств-членов Дунайской комиссии являются членами Европейского Союза, важно достичь соблюдения интересов других членов комиссии – Российской Федерации, Украины, Молдовы, Сербии. Одним из возможных путей является закрепление в конвенции норм, в соответствии с которыми наиболее важные решения принимаются на основе консенсуса, а другие – двумя третями голосов. Это позволит обеспечить оптимальный баланс между интересами придунайских государств, которые являются членами ЕС и другими государствами, избежать какого-либо неравенства или доминирования.

Кроме того, необходимо придать нормам, принимаемым в рамках Дунайской комиссии, статус обязательных для всех государств-членов, их юридических и физических лиц. При этом на первом план выходит адаптация положений нормативных актов комиссии и ЕС при учете положений внутреннего законодательства придумайских государств. Только при выполнении этой задачи можно достичь гармоничного развития системы правового регулирования использования Дуная.

Литература:

1. Inland navigation: A key element of the future Pan European transport system. Declaration adopted by the Paneuropean conference on inland waterway transport. Bucharest, 13 – 14 September 2006. - <http://www.inlandnavigation.org>.
2. Влияние законодательства Европейского Сообщества на работу Дунайской Комиссии. (2004) Доклад. Шестдесят первая сессия Дунайской Комиссии. // ДК/СЕС 61/31/окончательная версия.
3. Воронцов В. (2007) Совершенствование нормативной базы, регулирующей судоходство по Дунаю. // Дунаец. - № 42.
4. Bucharest Declaration of European Conference of Ministers of Transport (2006). - <http://www.cemt.org>.
5. www.danube-intern.org (Дунайская комиссия).

Принцип неприменения силы и невмешательства в суверенные дела другого государства в контексте войны в Ираке

Кустова Ирина Евгеньевна

студентка

Уральский государственный технический университет, Екатеринбург, Россия

Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург, Россия

E-mail: Irina_Kustova@mail.ru

Кустов Алексей Евгеньевич

студент

Уральский государственный технический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: alexzibert@gmail.com

Вооруженное вторжение США в Ирак в 2003г. стало серьезным испытанием для общепризнанных правовых устоев системы международной безопасности: угроза силой и ее реальное применение перестали рассматриваться как «крайние меры», требующие соответствующего многостороннего политического решения и международно-правового обоснования. Новый доктринальный тезис США касательно права осуществлять «односторонними действиями вторжения в другие страны и низвержения их правительств», права на предвосхищающий - превентивный - удар является новым вызовом современному международному праву и мировой правоприменительной практике¹³. В данном контексте особую актуальность приобретает необходимость устранения противоречий в понимании права на самооборону согл. ст. 51 Устава ООН. Определенная двусмысленность существует: принятое узкое толкование ст. 51 Устава ООН исключает всякую самооборону, не предпринятую как ответ на вооруженное нападение; расширительное толкование допускает осуществление самообороны в случае

¹³ Данный тезис продолжает ранее принятые в США «экстерриториальные» законы Хелмса - Бартона и Амато - Кеннеди от 1996г., предназначенные для применения вне американской территории.

нависшей, т.е. очевидной угрозы. При этом следует отметить, что расширительное толкование данной статьи носит сугубо политический, а не правовой характер и находит свое выражение именно в национальных доктринальных установках. События 11 сентября и последующая военная операция США в Ираке не способствовали установлению единообразного понимания степени неотвратимости угрозы, принципов необходимости и пропорциональности самообороны. В правилах и руководящих принципах применения силы, предлагаемых Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, зафиксировано, что ст.51 Устава ООН не должна быть ни переработана, ни по новому истолкована с целью расширить ее давно сложившуюся сферу охвата (с тем, чтобы превентивные меры можно было применять в отношении угроз, не носящих непосредственного характера) или ограничить ее (с тем, чтобы можно было ее применить лишь в отношении совершенных нападений).

Необходимо окончательно договориться о более полном, консенсусном определении агрессии. Главное при этом, с учетом развития иракской операции, дать юридически более четкое, общеприемлемое разграничение права применения силы и тех действий, которые могут квалифицироваться как агрессия. Решение вопроса во многом осложняется позицией США против определения агрессии согл. резолюции ГА ООН 3314 (1974г.).

США и союзники наряду с «банальными» причинами объявления войны полностью проигнорировали юридическое измерение в международных отношениях. В решении о нападении на Ирак подтвердилась, как считают, линия США на «возврат» к доктрине В.Вильсона: «мир строится не через международные отношения, а через внутреннюю трансформацию в той или иной стране».

Подходы США к разрешению ситуации в Ираке противоречат положениям Устава ООН и нормам *jus cogens*. Причинами противоречий называется «неэффективность» ООН, ее «неспособность» адекватно реагировать в «стрессовых» ситуациях, а также негативная реакция на усиление роли США. Реализация права *jus gladii*, как показала иракская война, оказалась неприемлемой для партнеров США по антитеррористической коалиции. Операция США в Ираке не стала прецедентом неуважения важнейшего международного принципа - неприменения силы, если рассматривать политику США *manu militaris*, начиная с Гренады и Судана и кончая Панамой и Косово. В Косово была изобретена формула 'illegal but legitimate' - «незаконное, но узаконенное», призванная оправдать операцию НАТО. Вместе с тем было признано, что необходимость операции обосновывалась несоответствующими действительности масштабами убийств албанцев сербскими войсками и полувоенными формированиями. Несмотря на то, что НАТО определяла данную операцию как исключение из правил, не ставящее целью создать новое международное право, данные утверждения не помешали сторонникам войны с Ираком использовать этот прецедент для военного вторжения в Ирак и свержения режима С.Хусейна. Резолюции СБ ООН 1472 (20 марта 2003г.) и 1546 (8 июня 2004г.) не означают легитимации военной акции участников коалиции, которая квалифицируется как оккупационные силы.

подавляющее большинство международных юристов квалифицировали военную операцию в Ираке как незаконную, противоречащую договорным обязательствам США, являющуюся нарушением внутренних законов США и международного права. По квалификации французских ученых данная операция явилась попыткой восстановить архаические институты, отделявшие от развитых цивилизованных отсталые варварские нации, к которым неприменимы нормы международного права. Правовые оценки российских ученых сводятся к тому, что применение силы США не санкционировано СБ ООН, является акцией противоправной, противоречащей Уставу ООН и может рассматриваться как агрессия. Совет Безопасности ООН, т.к. два его постоянных члена

являются нападающими сторонами, лишен возможности принять резолюцию по данному вопросу.

Противоречия в правовых и политических оценках позиций государств- членов ООН в ходе иракского кризиса дали основания считать, что уже в ближайшее время речь может пойти о возникновении «нового международного права». Оно, в частности, позволит использовать право применения силы, включая превентивные, упреждающие военные санкции, предоставит «полномочия» на ведение превентивных войн против «стран-изгоев». Это положит конец основополагающему принципу международного права - запрещения применения или угрозы силой. Необходимо не допустить принятия в качестве действующего принципа самообороны на право ведения превентивной войны, нападение на Ирак должно рассматриваться как нарушение международного права. Содержание новой «национальной стратегии безопасности» США может пониматься как их исключительное право на проведение «превентивных акций».

Литература

1. Renwick N. (2000) *America's World Identity. The Politics of Exclusion*. New York: St.Martin Press
2. Троекуров Н.Е. (2006) *Верховенство права в современных международных отношениях*. М.: Научная книга
3. Уткин А.И. (2006) *Удар американских богов*. М.: Алгоритм

Применимы ли нормы международного гуманитарного права к современной войне.

Кутузова Юлия Владиславовна

студент 5 курса

Международный Институт Трудовых и Социальных Отношений, юридический факультет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: estrella_demar@mail.ru

Все чаще вспыхивающие вооруженные конфликты постоянно становятся нам напоминанием о том, что человеческое достоинство часто становится одной из первых жертв войны. Во время вооруженных конфликтов, происходящих по всему миру, многочисленные преступления совершаются против гражданских лиц, раненых и больных комбатантов, а также лиц, лишенных свободы. Это происходит, несмотря на то, что практически все государства присоединились к Женевским конвенциям¹⁴, основным документам международного гуманитарного права, которое требует от всех сторон в конфликте защищать жизнь и достоинство лиц, не принимающих или прекративших принимать участие в военных действиях.

Международное гуманитарное право (МГП) содержит достаточное количество положений, которые применимы к современной войне. Проблема только в том, чтобы добиться соблюдения этих положений и применения их на практике всеми сторонами.

Анализируя вооруженные столкновения, произошедшие в разных странах в только начавшемся XXI веке, а также, учитывая специфику большинства из них, незащищенность и судьба тысяч людей, не по своей воле оказавшихся внутри таких конфликтов, вызывает глубокую тревогу. В последнее время все чаще проявляет себя терроризм, который в большей степени затрагивает гражданских лиц и основные нормы гуманитарного права.

¹⁴ Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (III) об обращении с военнопленными, Женева, 12 августа 1949 г.; Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, Женева, 12 августа 1949 г. более 190 государств являются участниками этих Конвенций.

Международный Комитет Красного Креста безоговорочно осуждает такие преступления и одновременно он настаивает на том, чтобы шаги, предпринимаемые в ответ на подобные деяния, осуществлялись в рамках, установленных международным правом. Когда борьба с терроризмом принимает форму вооруженного конфликта, государства обязаны соблюдать принципы международного гуманитарного права, даже если речь идет об их безопасности. Это значит, что лица, лишённые свободы, не могут содержаться и допрашиваться, таким образом, и с применением таких методов, которые выходят за рамки права.

Для достижения более эффективного применения норм гуманитарного права государствам необходимо проводить более обширную политику по имплементации в национальное законодательство. Данный процесс подразумевает обеспечение их доступа к закону и его понимание, а также необходимость подготовки личного состава и командования вооруженных сил в этой области, что немало важно, так как именно эти люди выступают с оружием и являются законными воюющими сторонами в конфликтах. Это также означает, что против тех, кто нарушает правила, должны применяться соответствующие санкции, включая, уголовные.

Нарушения и различного рода посягательства можно предотвратить, если в первую очередь МГП сможет выполнять свою превентивную роль. В то время как ряд механизмов регламентированы договорами, основная проблема заключается не столько в недостатке структур, сколько в недостатке политической воли.

Практика применения МГП претерпела значительные изменения за последний период, и поводом основных изменений послужила необходимость приведения в соответствие норм и институтов МГП фактическим условиям современных конфликтов. К сожалению, войны, вооруженные конфликты различного характера – это объективная реальность современного этапа развития человечества, которые независимо от своего характера, ставят под угрозу реализацию большинства основных прав и свобод человека, в том числе важнейшее право человека – право на жизнь.

Представляется, что осуществление МГП - это не только и не столько вопрос законодательной деятельности и принятия соответствующих правоприменительных мер. Важно, чтобы нормы этого права были приняты правосознанием возможно большего числа людей. Таким образом, недостаточно предписать соблюдение определенных правил поведения в ходе вооруженного конфликта. Необходимо включить их в неформальную культуру права, проследить за соответствием правовых норм основополагающим представлениям конкретного народа о должном и нравственном, обеспечить добровольное признание, уважение и доверие к этим нормам.

Стоит отметить что, не смотря на изменения в специфике современных вооруженных конфликтов, нормы гуманитарного права также изменяются, вырабатываются новые положения, которые призваны защищать все население воюющих сторон согласно принципам международного права и морали.

Литература

6. Сергей РОГОЖИН, Международное гуманитарное право в зеркале мнений Журнал "Правозащитник" № 2 за 2000 г.
7. Ф. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996. Т. 2. С. 265
8. Штански Н. В., Международное гуманитарное право и негосударственные формирования.
9. Якоб Келленбергер., Ответственность государств за нарушения международного гуманитарного права 19 мая 2004 года., газета "Financial Times"
10. www.icrc.org (Международный Комитет Красного Креста)

Место международного частного морского права в системе права

Ладыненко Альбина Павловна

студентка V курса

Одесская национальная юридическая академия, факультет международно-правовых отношений и юридической журналистики, Одесса, Украина

E-mail: albina-ladyненко@yandex.ru

Международное частное морское право традиционно выделяют в качестве самостоятельного правового явления. И это не удивительно, поскольку, имея много общего с международным частным правом, фактически являясь его наиболее развитой подсистемой, международное частное морское право имеет тесную связь и с международным морским правом и с внутригосударственным морским правом.

Предметом правового регулирования международного частного морского права являются отношения, возникающие в сфере торгового мореплавания. Они включают транспортную деятельность на море, а также широкий круг отношений, связанных с иными видами деятельности на море. К числу таких видов деятельности КТМ Украины относит использование судов для перевозки грузов, пассажиров, багажа и почты, рыбных и иного морского промысла, разведки и добычи полезных ископаемых, производства буксирных, ледакольных и спасательных операций, прокладки кабеля, а также для иных хозяйственных, научных и культурных целей (ст. 1 КТМ Украины). Это отношения, опосредуемые договорами перевозки пассажиров, багажа и грузов, которые образуют только одну из сфер, охватываемых понятием «торговое мореплавание». Другие сферы включают отношения по осуществлению вещных прав на морские суда, отношения, связанные с риском мореплавания (морское страхование, общая и частная авария, столкновение судов, спасание на море, арест морских судов, возмещение ущерба от загрязнения). Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что международное частное морское право это подотрасль международного частного права, регулирующая имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в процессе торгового мореплавания и осложненные иностранным элементом. Однако такой подход не в полной мере учитывает особенности международного частного морского права, уровень международно-правовой унификации его норм, наличие собственной терминологии, особую совокупность специальных методов, и длительную, уходящую корнями в века, историю.

Особенностью этих отношений является международный характер морского судоходства, и как следствие, присущее всему международному частному праву наличие в той или иной форме иностранного элемента. В результате возникает так называемая коллизионная проблема, проблема выбора применимого права, и следовательно, наличие специальных норм, направленных на разрешение этой проблемы. На это указывал Л.А. Лунц, отмечая, что отношения в области торгового мореплавания в большинстве случаев выходят за рамки одной правовой системы, осложняются иностранным элементом и являются почвой для многочисленных и разнообразных коллизий разнонациональных законов. Коллизионные нормы могут содержаться как в национальном законодательстве, так и в международных конвенциях. Что касается унификации коллизионных норм, предпринимавшейся в конце XIX в., то многочисленные попытки широкой международной унификации коллизионных норм морского права не увенчались успехом. Универсальная унификация коллизионных норм является малоэффективной по сравнению с унификацией материальных норм. Большая часть институтов международного частного морского права регулируется именно унифицированными материально-правовыми нормами, как это имеет место в институте

ареста морских судов, ограничения ответственности судовладельца, гражданской ответственности за ущерб от загрязнения с судов и других.

Однако, констатацией принадлежности международного частного морского права к международному частному праву не исчерпывается проблема выявления его места в системе права. Другим аспектом проблемы является определение соотношения между международным морским правом и международным частным морским правом. Эта проблема находит свое отражение в вопросах юрисдикции. Ведь торговое судоходство является преимущественно международным, предполагающим плавание торговых судов по морским путям, с заходом и стоянкой в портах иностранных государств. И хотя вопросы юрисдикции регулируются нормами международного морского права, двухсторонними соглашениями о торговом судоходстве и внутригосударственными нормами, но они оказывают значительное влияние и на частноправовые аспекты регулирования торгового мореплавания.

Международному частному морскому праву характерна тенденция, согласно которой международное частное право теряет свой сугубо национальный интерес и с течением времени в нем усиливается международный, даже глобальный элемент. Однако эта тенденция проявилась в международном частном морском праве значительно раньше по причине, как уже указывалось, международного характера торгового судоходства, и как следствие, высокого уровня унификации именно материально-правовых норм.

Что касается всего массива унифицированных международных норм по вопросам международного частного морского права, то считается необходимым их выделение в самостоятельное правовое явление – транснациональное морское право, по аналогии с *lex mercatoria*, представляющее собой относительно автономный правовой порядок, независимый от национальных правовых систем.

Литература

1. Кодекс торгового мореплавания Украины от 23.05.1995 № 176 // Ведомости Верховной рады Украины, 1995. - №№ 47-52, ст. 349.
2. Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Международное частное морское право. – Л.: Судостроение, 1984. – 280 с.
3. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
4. Черкес М. Е. О соотношении морского права и международного морского права // Торговое мореплавание. – 1999. – № 1. – С. 13-14
5. Короткий Т.Р. Унификация норм об общей аварии // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету: Зб. – О.: Міжнар. гуманітар. ун-т., 2007. – С. 53-55
6. Шемонаев В.Ю., Красильникова Е.С. Понятие и система морского права // Актуальні проблеми держави і права. – Вип. 23. – 2004. – С. 250-257

Право на защиту персональных данных в рамках Совета Европы

Ларина Эльмира Александровна

студент

Нижегородский Государственный Университет им. Н.И. Лобачевского

e-mail: elmyra2@yandex.ru

Информация, непосредственно связанная с конкретным человеком (факты его биографии, паспортные данные, национальность, место жительства, сведения о заболеваниях, информация о семейной жизни, политических и религиозных пристрастиях) составляет значительную часть циркулирующей в обществе информации.

В связи с этим возникла необходимость правового обеспечения права на защиту персональных данных не только на национальном, но и на международном уровне.

Правовое регулирование защиты персональных данных в рамках Совета Европы

В рамках Совета Европы существует несколько документов, позволяющих обеспечить защиту персональных данных.

Первый и наиболее важный документ это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, от 4 ноября 1950 года. В ЕКПЧ право на защиту персональных данных не выделяется как самостоятельное фундаментальное право. Защита персональных данных осуществляется на основе ст.8 ЕКПЧ, в которой говорится, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Таким образом, можно сделать вывод, что ЕКПЧ трактует право на защиту персональных данных как составляющую права на уважение частной и семейной жизни.

Согласно ч.2 ст.8 ЕКПЧ, право на уважение частной и семейной жизни может быть ограничено при наличии следующих условий:

- Вмешательство публичных властей предусмотрено законом
- Необходимо в демократическом обществе
- Преследует интересы национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны; цели предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

Итак, конвенция предоставляет государству достаточно широкие возможности вмешательства в частную жизнь, а соответственно возможность использования персональных данных граждан.

Как известно ЕКПЧ, это международный договор общего характера. Рост использования компьютерной техники для целей обработки и управления информацией породил необходимость создания международного договора специального характера в области защиты персональных данных. В рамках Совета Европы таким документом стала Конвенция Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных. Данная Конвенция играет значительную роль в процессе выделения права на защиту персональных данных как самостоятельного права. Основные преимущества Конвенции состоят в следующем:

Во-первых, в конвенции даётся несколько важных определений¹⁵:

Персональные данные - информация, касающаяся конкретного или могущего быть идентифицированным лица («субъекта данных»). Данное определение достаточно широко трактует понятие «персональные данные», что способствует более эффективной защите, поскольку позволяет трактовать как персональные данные не только информацию закреплённую в официальных документах, но и любую другую информацию способствующую идентификации лица.

Данная Конвенция не даёт конкретизации понятию «субъект данных», что представляется пробелом. Крайне важно, что отдельно выделяются персональные данные о национальной принадлежности, политических взглядах либо религиозных или иных убеждениях, а равно персональные данные, касающиеся здоровья или сексуальной жизни¹⁶. Такое выделение порождает дифференцированный подход к защите разных категорий данных. Кроме того, Конвенция даёт определение «контролёру базы данных»: «контролер базы данных» означает физическое или юридическое лицо, государственный орган, ведомство или любую другую организацию, которая в соответствии с

¹⁵ Конвенция Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных, ст.2

¹⁶ Конвенция Совета Европы о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных, ст.6

национальным правом наделена полномочиями решать, для какой цели создается автоматизированная база данных, какие категории персональных данных будут накапливаться и какие операции с ними будут осуществляться.

Во-вторых, в Конвенции закреплены основные принципы защиты данных. Эти принципы являются наиболее значительным достижением разработчиков этой Конвенции, поскольку именно в соответствии с ними будет строиться защита персональных данных в рамках Совета Европы.

Закрепленные в гл. II принципы можно разделить на две группы: принципы, непосредственно касающиеся собираемых данных и принципы, касающиеся защиты собранных данных.

1. Принципы, непосредственно касающиеся собираемых данных (ст. 5):

- Принцип законности сбора данных
- Принцип законных целей
- Принцип адекватности собираемых данных
- Принцип надлежащего качества данных
- Принцип конечности сроков хранения данных

2. Принципы, касающиеся защиты собранных данных

- Принцип усиленной защиты особых категорий данных
- Принцип обеспечения надлежащей защиты данных
- Принцип предоставления судебной защиты
- Принцип надлежащей информированности «субъекта данных»
- Принцип обеспечения права доступа

Проанализировав два основных документа, обеспечивающих право на защиту персональных данных в рамках Совета Европы мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, на международном уровне создана обширная правовая база для регулирования защиты персональных данных.

Во-вторых, постепенно формируется новый подход к защите персональных данных (выделение права на защиту персональных данных – как самостоятельного фундаментального права) адекватно отвечающий современным реалиям (развитию информационных технологий, созданию автоматических баз данных).

Права беженцев: историко-правовой аспект

Лебедева Любовь Сергеевна

студент

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург, Россия

Aneela@rambler.ru

На сегодняшний день развитие прав беженцев является неотъемлемой частью мировой правовой действительности. Проблема прав беженцев появилась в начале XX века и до сих пор остается нерешенной. Сейчас в мире около 15 млн. беженцев, что является следствием военных межгосударственных конфликтов, внутринациональных проблем, систематических нарушений прав человека в некоторых странах и т. п. В данное время работа по усовершенствованию системы предоставления защиты беженцам продолжается и в рамках Европейских правотворческих организациях, и в рамках деятельности правительства РФ, и на других региональных уровнях, что свидетельствует об актуальности данной проблемы для современного общества.

Истоки развития международного права человека по делам беженцев восходят к Лиге Наций. Такие события как Первая Мировая война, распад Османской империи, Октябрьская социалистическая революция и распад Российской империи привели к возникновению огромного числа беженцев на территории Европы. Чтобы каким-либо образом организовать пребывающих беженцев, правительства – члены Лиги Наций -

приняли ряд соглашений: от 5 июля 1922 г., 31 мая 1924 г., 12 мая 1926 г., от 30 июня 1928 г., которые касались таких вопросов, как упорядочение системы удостоверений личности для русских и армянских беженцев; но, как видно, соглашения эти были специфическими и носили временный характер, устанавливая статус беженцев только в рамках определенных условий развития мирового сообщества.

После Второй мировой войны развитием прав беженцев занималась ООН. 16 февраля 1946 г. Экономическим и Социальным Советом была принята резолюция. По аналогии с соглашениями, заключенными под эгидой Лиги Наций, новое определение было ориентировано на конкретную категорию беженцев и привязано к конкретным политическим событиям. Значительным шагом вперед был Устав Международной организации по делам беженцев (1946), в котором оговаривалось создание временного органа (Международной организации по делам беженцев) для контроля за действиями государств по отношению к беженцам. 28 июля 1951 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о статусе беженцев, в основу которой был положен весь предыдущий опыт в разработке прав беженцев. Существенным ее отличием от соглашений, принятых в рамках работы Лиги Наций и от Устава МОБ, была ее универсальность. Конвенция стала механизмом приравнивания прав беженцев к основным правам человека, она явилась основой международного развития прав беженцев. Однако в положениях этого документа просматривается тенденция некоторого ограничения прав беженцев. Дело в том, что государства, принявшие этот документ, были европейскими и ориентировались только на этот регион, а временные границы (статус беженца могли получить только те лица, судьба которых отвечала условиям Конвенции в силу событий до 1 января 1951 г.), установленные в Конвенции не могли сделать ее в полной мере универсальной. Поэтому, в силу возникновения новых ситуаций на международной арене (холодная война и процесс деколонизации) и появления новой категории беженцев – политических беженцев - в декабре 1966 г. государствами – членами ООН в дополнение к Конвенции был принят Протокол, касающийся статуса беженца, вступивший в силу 31 января 1967 г. Согласно этому документу, любое лицо, попадающее под определение беженца, данное в Конвенции о статусе беженцев, получает все права и свободы, закрепленные в ней, независимо от указанной даты - 1 января 1951 г.

Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол к ней, касающийся статуса беженца 1967 г. являются универсальными документами по вопросам беженцев. Они заложили своего рода фундамент для международно-правовой работы в отношении данной проблемы. Документы, принятые на региональном уровне, - декларации, соглашения, конвенции – либо расширяют и дополняют, либо ограничивают положения Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола, касающегося статуса беженца от 1967 г.

Одним из первых документов регионального уровня стала Конвенция 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке. В определении статуса беженца были добавлены новые условия с учетом ситуации, господствующей в африканском регионе - внешняя агрессия, оккупация и иностранное господство.

В 1984 г. была принята Картахенская декларация (Центрально-американский регион), которая так же расширяет права беженцев. В частности декларация внесла в область развития прав беженцев несколько новых аспектов - признание права беженца на воссоединение с семьей одним из основных принципов обращения с беженцами; обеспечение на всех уровнях в странах Центральной Америки распространения любой информации, касающейся вопросов беженцев, будь то международные нормы, национальное законодательство или повседневные ситуации.

Деятельность же европейских региональных организаций – Совета Европы и Европейского союза - ориентирована на выработку всяческих ограничений статуса

беженца. Об этом свидетельствует концепция «страны первого убежища» (first asylum country), разработанная государствами – членами ЕС в конце 80-х гг. Так же политику ограничительных иммиграционных мер продолжает Дублинская конвенция и Шенгенское соглашение.

Еще один регион, внесший вклад в развитие понятия беженец – Содружество Независимых Государств. В 90-е гг. в силу множества межнациональных конфликтов проблема беженцев буквально захлестывает страны-участницы СНГ и требует немедленного рассмотрения и решения. В результате 24 сентября 1993 г. в рамках работы СНГ было принято Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам и одинаковый правовой режим, предусмотренный для указанных категорий (вступило в силу 1 сентября 1994 г.). Положения документа явно направлены на расширение общепризнанного Конвенцией 1951 г. понятия беженец и вносит новые правовые аспекты в данную проблему.

Итак, Конвенция 1951 г. и Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967 г., в настоящее время являются единственными универсальными документами международного права беженцев. Однако в современное время они не могут в полной мере регулировать все возможные ситуации, возникающие в связи с проблемой прав беженцев, так как изначально положения этих документов были привязаны к определенным временным и географическим условиям. И, не смотря на то, что работа по делам беженцев на региональных уровнях продолжается и идет с учетом национальных особенностей, отсутствие международной базы по правам беженцев, отвечающей условиям развития современного общества, ведет к торможению развития прав беженцев.

Литература

1. Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Сборник статей и документов. – М.:МККК, 1999. – 376 с.
2. Малевич Ю.И. Права человека в глобальном мире / Ю.И. Малевич. – М.: АСТ, 2004. – 368 с.
3. Международное гуманитарное право в документах. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – 556 с.
4. Павлова Л.В., Селиванов А.В. Международно – правовой статус беженца. Пособие для студентов ВУЗов. Минск: Тесей, 2006.

Международно-правовой аспект концепции гарантированных поставок ядерного топлива

Левин Антон Валерьевич
аспирант

*Институт международных отношений
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Киев, Украина
E-mail: loevin@gmail.com*

Из-за отсутствия блоковой дисциплины холодной войны, а также из-за целенаправленного либо непреднамеренного ослабления национального государства в большей части мира последнее все менее способно гарантировать исключительно мирное использование ядерной энергии на уровне, желательном для наиболее развитых стран. В связи с этим механизмы экспортного контроля, даже координируемые на международном уровне, все менее надежны. С другой стороны, даже гарантии МАГАТЭ, основа основ международных усилий по предотвращению переключения ядерной энергетики на немирные цели, «необходимы, но недостаточны» [7, 9]. Следствием является все более явная заинтересованность ведущих государств мира в *централизации на международном уровне разных сторон ядерной энергетики остальных стран*, начиная с подготовки кадров для отрасли (в 2003 году основан

Всемирный ядерный университет [8]) и заканчивая построением самого ядерно-топливного цикла [4].

Работа над концепцией международного ЯТЦ ведется в МАГАТЭ с 2004 года. В ее рамках имеет место возрождение интереса к концепции т.н. «*гарантированных поставок*» (assurances of nuclear supply): государство на определенных условиях получает право на бесперебойное и гарантированное предоставление ей определенных предметов ядерного экспорта (главным образом топлива). «Определенным условием» должен быть, прежде всего, отказ от создания собственного ЯТЦ либо некоторых его элементов, в первую очередь, обогащения урана и извлечения плутония из отработанного ядерного топлива.

Речь именно о *возрождении* интереса, поскольку вопрос уже ставился на повестку дня в 80-х годах XX века в рамках работы Комитета МАГАТЭ по гарантированным поставкам и Конференции ООН о содействии международному сотрудничеству в области использования ядерной энергии в мирных целях [2, 2]. В свое время некоторые советские авторы даже выдвигали предположение о формировании особого отраслевого принципа в международном атомном праве — принципа гарантированных поставок. Работа не имела продолжения, в том числе в связи с всемирным спадом интереса к развитию ядерной энергетики в конце 80-х начале 90-х и следующим из этого превышением на ядерном рынке предложения над спросом [5, 88].

В начале 2000-х ситуация начала кардинально меняться. В сентябре 2006 МАГАТЭ собрала специальную встречу с целью обсуждения и оценки поступивших предложений касательно гарантирования поставок ядерного топлива для гражданских ядерных программ. На сегодня Агентство изучает около десятка различных подходов к построению международного ЯТЦ, включая, в частности, предложение Российской Федерации о создании Международного центра по обогащению урана [1] и самое недавнее предложение ФРГ — Проект многостороннего района по обогащению [3].

Само словосочетание «гарантированные поставки» в документах МАГАТЭ понимается весьма широко как состояние обеспеченного и бесперебойного снабжения мирной ядерной деятельности, прежде всего энергетической, того или иного государства всем необходимым, в первую очередь ядерными материалами в виде ядерного топлива либо готовыми к производству такового. При таком понимании сложно поспорить с трюистической характеристикой «равномерно функционирующего, конкурентного рынка как лучшей гарантии снабжения» [6, 31]. Но слово «гарантированные» подразумевает как раз независимость снабжения, в том числе и от рыночной конъюнктуры.

В докладе экспертной группы МАГАТЭ «Многосторонние подходы к ядерно-топливному циклу» утверждается: «Один из наиболее значимых шагов состоит в построении эффективных механизмов гарантированных поставок и оказания услуг, которые будут коммерчески конкурентоспособны, свободны от монополий и от политических ограничений. Эффективные гарантии снабжения должны будут включать *резервные источники поставок* в случае, если поставщик... не способен предоставить требуемые материал или услуги» (курсив мой) [6, 5]. Собственно, такие механизмы чрезвычайных и резервных поставок и составляют суть концепции гарантированных поставок в ее современном виде, поскольку предполагается, что в нормальном состоянии потребности «клиентов» обеспечит международный ядерный рынок. В связи с этим настораживает упоминание прекращения поставок по «коммерческим причинам» как исключения при предоставлении резервных поставок [6, с. 7, 55, 91]. Другие допустимые причины отказа могут быть связаны с нераспространением ядерного оружия.

Выходит, что механизмы будут рассчитаны лишь на *технические сбои*, поскольку все остальные причины отказа поставщиков легко классифицировать либо как коммерческие, либо как «пролиферационные».

Возникает потребность разработки возможно точных критериев оценки возможных перебоев в снабжении для запуска механизма гарантированных (резервных) поставок. Эту потребность не устранить, предоставив, например, МАГАТЭ право широкого усмотрения, причем как по политическим соображениям (потенциальным пользователям сложно будет согласиться на произвол пусть и весьма авторитетной международной организации), так и по организационным (международная организация такого уровня по самой своей природе нуждается в нормативных ориентирах). Хотя механизм предоставления оценки оснований для предоставления таких поставок также необходим. По этим же соображениям указанным критериям необходимо будет придать характер *международно-правовой нормы*.

Представляется, критерии, позволяющие отказать в гарантированных поставках, должны быть связаны исключительно с нераспространением ядерного оружия и сопутствующими вопросами безопасности (в том числе защиты окружающей среды). «Коммерческие причины» следует либо исключить, либо очень подробно прописать: поставки не могут быть одновременно и гарантированными, и осуществляемыми на рыночных основаниях.

Литература

1. Communication received from the Resident Representative of the Russian Federation to the IAEA on the Establishment, Structure and Operation of the International Uranium Enrichment Centre. INFCIRC/708.
2. Fischer D. History of the International Atomic Energy Agency: the first forty years. — Vienna: IAEA, 1997.
3. Germany Outlines Multiparty Approach to Nuclear Fuel Cycle. Plan Calls for Fuel Supply Placed under International Supervision: Staff Report, 18 February 2008. — <http://www.iaea.org/NewsCenter/News/2008/germany_nfc.html> 28.02.2008.
4. In Focus: Revisiting the Nuclear Fuel Cycle. Multilateral Approaches to the Fuel Cycle. — <<http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/FuelCycle/index.shtml>> 28.02.2008.
5. Müller H., Fischer D., Kötter W. Nuclear Non-Proliferation and Global Order. New-York: Oxford University Press, 1994.
6. Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report submitted to the Director General of the International Atomic Energy Agency. INFCIRC/640.
7. Thorium fuel cycle — Potential benefits and challenges. Vienna: IAEA, 2005.
8. World Nuclear University. — <<http://www.world-nuclear-university.org>> 22.02.2008.

Вклад Венецианской комиссии Совета Европы в развитие конституционного правосудия в Российской Федерации

Лимонникова Майя Алексеевна

аспирантка

МГИМО (У), Москва, Россия; Университет им. Пьера Мендеса Франса, Гренобль, Франция

mauya-limonnikova@rambler.ru

Введение

После событий конца 80-ых - начала 90 гг. Совет Европы предпринял ряд действий в целях правовой помощи «новым демократиям». Помимо ряда специальных программ (Демосфен, Темис и др.), нацеленных на приведение национального законодательства в соответствие с европейскими нормами, были образованы специальные органы, основной целью которых стало содействие скорейшей демократизации общества. В частности, в 1990 году была создана Европейская Комиссия за демократию через право

(Венецианская комиссия), консультативный орган Совета Европы, предоставляющий «правовые гарантии обеспечения демократии». Одним из важных направлений деятельности Венецианской комиссии¹⁷ является сотрудничество с конституционными судами.

Формы сотрудничества между конституционными судами и Венецианской комиссией

Комиссия сотрудничает с конституционными судами на двусторонней основе через посредничество с объединениями, представляющими эти суды. В целях развития данного сотрудничества Комиссия может создать смешанный конституционно-правовой совет, включающий в себя членов Комиссии и представителей судов и их объединений, сотрудничающих с Комиссией (п.4 ст. 3 Устава Комиссии).

Обмен идеями и информацией между традиционно сложившимися и новыми демократическими государствами в области судебной практики имеет первостепенное значение. Поэтому уже в 1992 году Комиссия решила создать центр документации с целью поощрять взаимный обмен информацией между судебными органами и знакомить заинтересованную общественность с принятыми судами решениями.

В этой связи Комиссия создала сеть корреспондентов по связи с конституционными судами. Трижды в год эти корреспонденты участвуют в подготовке Бюллетеня конституционного правосудия¹⁸ и обновлении компьютерной базы данных Комиссии CODICES¹⁹. Эти два направления, а также библиотека и «Венецианский форум» являются основой деятельности центра документации по конституционному правосудию Комиссии. «Венецианский форум» позволяет конституционным судам быстро и конфиденциально обмениваться последней информацией. Создание Совместного совета по конституционному правосудию²⁰ придало официальный статус сотрудничеству между конституционными судами и Венецианской Комиссией, подчеркнув его особое значение.

Намереваясь укрепить позиции конституционных судов – гарантов конституционных прав и верховенства закона – Венецианская Комиссия организует с 1996 году семинары с участием конституционных судов. Кроме того, с участием Комиссии проводятся различные форумы, конференции, например, в 2006 году была организована международная конференция на тему «Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия». На этой конференции были обсуждены проблемы интеграции европейского конституционного пространства, роль конституционных судов в формировании единого правового пространства Европы, отношения между Европейским Судом по правам человека и национальными конституционными судами и др.

Кроме того, экспертами Венецианской комиссии был подготовлен ряд исследований, связанных с конституционным правосудием. Например, один из номеров серии «Наука и техника демократии» (№20) посвящён составу конституционных судов.

¹⁷ Деятельность Комиссии сосредоточена в четырёх областях: содействие в области конституционного права, выборы и референдумы, сотрудничество с конституционными судами, исследования, доклады и "транснациональные" семинары.

¹⁸ В Бюллетене конституционного правосудия публикуются краткие изложения важнейших решений, получаемых Комиссией от конституционных судов более чем пятидесяти стран, Европейского Суда по правам человека и Суда Европейских сообществ.

¹⁹ База данных CODICES представляет собой в печатном эквиваленте примерно 100 000 страниц текста. Помимо изложения более 4000 судебных решений, опубликованных в *Бюллетене*, она содержит более 5000 полных текстов решений. Кроме того, в базе данных имеются полные тексты многих конституций.

²⁰ Согласно статье 3 Устава Комиссии, Совет пришел на смену заседаниям Подкомиссии по конституционному правосудию с участием корреспондентов конституционных судов.

Вклад Венецианской комиссии в совершенствование конституционного правосудия в Российской Федерации

Помимо проведения конференций и семинаров, Венецианская комиссия занимается консультированием государств с целью совершенствования конституционного законодательства. Например, по просьбе Председателя Конституционного Суда РФ, в 2004 г. Венецианская комиссия разработала заключение «О Конституции РФ». Эксперты Венецианской комиссии дали подробный правовой анализ тексту Конституции, включая положения по Конституционному Суду РФ. По их мнению в окончательном тексте Конституции Российская Федерация учла практически все рекомендации Венецианской Комиссии. Так, согласно Н.В. Витруку, ассоциированному члену Венецианской комиссии от России, «текст Конституции соответствует принципам демократического государства, основанного на верховенстве права и соблюдению прав человека».

Кроме того, по просьбе Президента Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина Венецианская комиссия вынесла Заключение на проект ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Основной целью данного законопроекта было создание возможности письменной процедуры для дел, в которых оспариваемые нормы являются аналогичными нормам, по которым уже было вынесено решение. Эксперты Венецианской комиссии сделали вывод о том, что подобная процедура способствовала бы большей эффективности судебного правосудия, поскольку «разгрузила» бы Конституционный суд. Кроме того, эксперты Венецианской комиссии отметили, что предлагаемые изменения носят обоснованный и законный характер и таким образом, законопроект соответствует европейским нормам.

Результаты

Таким образом, рассмотренные заключения Венецианской комиссии внесли определённый вклад в осуществление конституционной реформы в России, а также положительным образом повлияли на имидж страны на международной арене.

Литература:

1. Резолюция Комитета Министров Res(20в2)3 о принятии пересмотренного Устава Европейской Комиссии за демократию через право (принята Комитетом Министров 21 февраля 2002 года на 784-ом заседании Постоянных представителей Министров)
2. Avis sur la Constitution de la Fédération de Russie adoptée en votation populaire le 12 décembre 1993, CDL(1994)011cor.
3. [Avis n° 279/2004 sur le projet de la loi constitutionnelle fédérale sur les modifications et les compléments à apporter à la «loi constitutionnelle fédérale sur la Cour constitutionnelle de la Fédération de Russie» adopté par la Commission de Venise lors de sa 60ème session \(11-12 octobre 2004\)](#), CDL-AD(2004)035.
4. Meeting with the presidents of constitutional courts and other equivalent bodies (bilingual edition) /Science and Technique of Democracy No. 20, 1998, Strasbourg, Council of Europe editions.
5. www.venice.coe.int

Экологический ущерб как основополагающая часть международного экологического правонарушения

*Лисученко Евгений Степанович*²¹

аспирант

Институт международных отношений Киевского национального университета

им. Т.Шевченко, Киев, Украина

E-mail: lisuchenko@gmail.com

²¹ Автор выражает признательность профессору, д.ю.н. Мицику В.В. за помощь в подготовке тезисов.

В современном международном праве проблема регламентации ответственности государств за международные экологические нарушения является одной из самых актуальных и обращает на себя внимание всё большего круга исследователей. Основным критерием оценки международного правонарушения как экологического выступает специфический ущерб, который государства своими действиями наносят непосредственно окружающей природной среде.

Определение этого специфического ущерба, а также его составляющих является востребованным с точки зрения вычисления размеров и выбора форм компенсации вреда, нанесённого окружающей природной среде. Кроме того, возникает вопрос или будет денежное возмещение со стороны государства-нарушительницы необходимым и достаточным, если восстановление status quo ante окажется невозможным или неуместным.

Актуальность данного исследования исходит из необходимости выработки универсального подхода в отношении оценки международно-правовых нарушений в области международного экологического права. Наличествующие на данный момент работы в этой области носят фрагментарный характер и касаются отдельных аспектов трансграничного ущерба, применительно к различным сферам деятельности (использование космоса, транспортировка опасных грузов и др.).

Проведённое исследование позволяет сделать следующие общие выводы.

Единственным фактическим основанием международной экологической ответственности государства является международное экологическое правонарушение.

Определяющим (идентификационным) признаком международных экологических правонарушений, которые лежат в основе их выделения из всей массы международно-противоправных действий, является экологический ущерб. Это – единственный и достаточный признак, который позволяет определить «экологичность» международных правонарушений. Любое международное экологическое правонарушение непременно характеризуется причинением ущерба: если отсутствуют вредные последствия для окружающей среды в результате противоправных действий государства, то исключается постановка вопроса о его международной экологической ответственности.

Экологический ущерб выражается в широком разнообразии вредных проявлений непосредственно для окружающей среды, жизни и здоровья людей, экономических интересов одного или нескольких государств. В этом плане их можно разделить на экономический, социальный и исключительно экологический ущерб (последний включает антропологический ущерб).

В международно-правовом понимании понятие экологического ущерба состоит из следующих слагаемых: 1) основанием возникновения экологической ответственности государства является не только факт причинения ущерба, но и реальная угроза его наступления; 2) экологический ущерб должен носить трансграничный, «международный» характер, то есть необходимо наличие вредных последствий для окружающей среды другого государства или в районах, которые находятся вне зоны действия национальной юрисдикции; 3) эколого-правовая ответственность государства может быть следствием не каждого случая загрязнения окружающей среды или нерационального использования природных ресурсов, а лишь такого, которое влечет определенный экологический ущерб («существенный» или «ощутимый»). При этом размеры вызванного ущерба должны быть такими, которые могут затронуть экологические интересы другого государства и стать основанием для выдвижения претензии к государству-правонарушителю.

При вычислении объёма экологического ущерба (разрушения или повреждения окружающей природной) среды часто также принимаются во внимания те расходы,

которые понесли государства во время возобновления состояния среды. Такие расходы обеспечиваются в национальной практике государств, а также признаются в некоторых международно-правовых инструментах относительно экологического ущерба. Так, в соответствии с принципом «загрязнитель платит», загрязнитель должен нести расходы по очистке и устранению последствий ущерба во время возобновления status quo ante.

К составляющим экологического ущерба также присовокупляются превентивные расходы и расходы, связанные с уменьшением рисков, которые, в целом, признаются в качестве ущерба, подлежащего возмещению. Под ними, в первую очередь, подразумеваются действия, к которым прибегают сразу после возникновения вредоносного происшествия. Превентивные мероприятия являются по своей природе мероприятиями чрезвычайной ситуации и должны отвечать ее практическим потребностям.

Литература

1. Буткевич В.Г. (2004) Міжнародне право навколишнього середовища // Міжнародне право. Основні галузі. – К.: Либідь. – С. 502-538.
2. Лукашук И.И. (2004) Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер.
3. Строчук В.М. (2004) Понятие трансграничного ущерба окружающей среде в международном праве // Московский журнал международного права. – № 1. – С.114-128.
4. Шишко А.А. (1990) Предупреждение трансграничного загрязнения (международно-правовые проблемы). – К.: Наукова думка.
5. Birnie V. W., Boyle A. E. (2002) International Law & The Environment. Oxford: Oxford University Press.
6. Lefeber R. (1996) Transboundary Environmental Interference And The Origin Of State Liability. Deventer: Kluwer Law International.
7. Report of the Group of Legal Experts on the Work Undertaken to Elaborate an Annex or Annexes on Liability for Environmental Damage in Antarctica, November 21, 1997.

Ответственность государств в международном экологическом праве

*Медведева Марина Александровна*²²

ассистент, кандидат юридических наук

Институт международных отношений Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко, Украина

E-mail: maryna.marushka6@gmail.com

В международном экологическом праве отсутствует единый универсальный юридически обязательный международно-правовой акт, который регламентировал бы вопрос ответственности государств за экологические правонарушения, а также за правомерную деятельность, причиняющую вред окружающей среде (далее – ОС). Собственно институт ответственности является общесистемным институтом международного публичного права, то есть соответствующие нормы распространяют сферу своего действия на все отрасли международного права (далее – МП) без исключения. Однако именно в области охраны окружающей среды механизм их реализации весьма неэффективен. Это объясняется, среди прочего, отсутствием соответствующих положений об ответственности и компенсации в международных природоохранных соглашениях, а также установленной практикой международных судебных учреждений в отношении привлечения к ответственности исключительно за преступления, которые связаны с причинением вреда человеку, а не ОС или ее компонентам. Цель нашего исследования – определить основные элементы и

²² Автор выражает признательность профессору Задорожному А.В. за помощь в подготовке тезисов

особенности реализации механизма международно-правовой ответственности государств в экологической сфере.

В юридической литературе выделяют два вида международно-правовой ответственности государств: ответственность за нарушение обязательств согласно нормам МП (англ. - responsibility) и ответственность за вредные последствия неправомερных действий, которые повлекли материальный ущерб (англ. - liability). Первый вид связан с концепцией должной осмотрительности: государство должно принимать меры с целью предупреждения загрязнения ОС в результате какой-либо деятельности, осуществляемой под его юрисдикцией. Данный вид ответственности нашел достаточное правовое закрепление в международных договорах (например, Рамочная конвенция об изменении климата 1992 г., Конвенция об охране биологического разнообразия 1992 г.), рекомендательных актах (Стокгольмская декларация 1972 г. и Декларация Рио 1992 г.), а также судебной практике (дело о плавильном заводе в Трейле 1941 г.). Основание для наступления второго вида ответственности - причинение материального ущерба ОС или ее компонентам. Этот вид ответственности не нашел достаточного закрепления в международно-правовой практике.

Фактическим основанием международно-правовой ответственности является экологическое правонарушение (международное преступление или ординарное правонарушение). Одно из наиболее тяжелых преступлений в сфере охраны ОС - экоцид. Под этим понятием подразумевается преступное влияние на ОС, с последующими тяжелыми необратимыми последствиями, при чем, не только в период вооруженных конфликтов, но и в мирное время. Ответственность за военные преступления в экологической сфере предусмотрена в ст. 8.2.b.iv Римского устава Международного уголовного суда 1998 г., а также в ст.ст.35.3 и 55 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1977 г. и в Конвенции о запрещении военного или какого-либо иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. При этом, условия привлечения к ответственности, предусмотренные в первых двух документах, несколько отличаются от условий, предусмотренных в третьем.

На сегодняшний день не известно ни одного случая привлечения к международно-правовой ответственности либо государства в целом, либо отдельных должностных лиц за экологические преступления. Единственная, но неудачная, попытка привлечения к уголовной ответственности – дело австрийского генерала Рэндулика, которое рассматривалось Нюрнбергским трибуналом после окончания Второй мировой войны. Кроме этого, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии оправдал действия НАТО, сославшись на принцип военной необходимости. Именно потому, что международные органы юстиции ни разу не признали факт совершения преступления в экологической сфере, некоторые авторы предлагают такую достаточно реалистическую модель, при которой международные суды будут выносить приговор за преступление геноцида или преступления против человечности, а преступление против ОС будет признаваться как инструмент совершения основного преступления.

Международному праву также известна ответственность за правомерную деятельность, не запрещенную нормами МП (так называемая абсолютная, строгая, объективная ответственность), которая предусмотрена в многочисленных «секторальных» конвенциях о гражданской ответственности, например, в сфере транспортировки морем нефти, иных опасных веществ и отходов, ядерной деятельности. Субъектами такой ответственности (операторами) выступают, как правило, частные лица и компании. Но есть международные договоры, которые регламентируют вопросы абсолютной/строгой ответственности именно государства: Конвенция о международной ответственности за ущерб, нанесенный космическими объектами, 1972 г., Приложение VI к Протоколу об охране окружающей среды Антарктики 2005 г., а также

разработанный в 2006 г. Комиссией МП ООН Проект статей о компенсации трансграничного ущерба в результате опасной деятельности. Необходимо отметить позитивные последствия проведенной Комиссией МП кодификации данного направления: в случае принятия соответствующей конвенции будет создан универсальный механизм строгой ответственности государства за правомерную деятельность в экологической сфере, который заменит многочисленные «секторальные» режимы.

Суммируя все вышеизложенное, отметим: на наш взгляд, государствам необходимо прилагать максимум усилий по эффективной реализации обязанности должной осмотрительности (первой составляющей международно-правовой ответственности государств - responsibility), то есть принимать меры по предотвращению трансграничного ущерба, который в экологической сфере наиболее тяжело оценить, восстановить и компенсировать. Но если государство сделало все от него зависящее, необходимо находить такие эффективные инструменты на международном уровне, которые позволят привлечь к ответственности виновных (частных лиц или государственных) и максимально полно компенсировать ущерб ОС какого-либо отдельного государства или ОС районов вне юрисдикции всех государств (вторая составляющая международно-правовой ответственности).

Литература:

1. Виноградов С.В. Международное право и охрана атмосферы. – М.: Наука, 1987.
2. Строчук В.М. Понятие трансграничного ущерба окружающей среде в международном праве // Московский журнал международного права. – 2004. - №1. – С.114-128.
3. Orellana M.A. Criminal punishment for environmental damage: Individual and state responsibility at a crossroad // Georgetown International Environmental Law Review. - Summer 2005. http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3970/is_200507/ai_n14684851
4. Draft articles on prevention of transboundary harm from hazardous activities, with commentaries 2001. http://untreaty.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_7_2001.pdf

Защита гражданского населения во время вооруженных конфликтов: договорные и обычные нормы

Нестеренко Ирина Павловна

аспирант

*Киевского национального университета права при Национальной академии наук
Украины, Киев, Украина*

E-mail : nesterenkoira@gmail.com

Все в большей мере гражданское население становится жертвой военных конфликтов, даже несмотря на тот факт, что международное гуманитарное право определяет, что атаки должны быть направлены на комбатантов и военные объекты и строго запрещает совершать нападения на гражданских лиц. Тем не менее даже если бы нормы международного гуманитарного права идеально соблюдались, гражданские лица становились бы жертвами вооруженных конфликтов, поскольку атаки и военные операции, направленные на военные объекты, не будут запрещены лишь по той причине, что они могут навредить гражданскому населению.

Понятие гражданского населения раскрыто в норме 5 Обычного МГП: Гражданским лицом является любое лицо, не входящее в состав вооруженных сил. Гражданское население состоит из всех лиц, являющихся гражданскими лицами. Это понятие принято использовать как в международных, так и немеждународных военных конфликтах.

Гражданские лица пользуются защитой от нападения за исключением случаев, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях и в течение этого участия. Это правило применяется как в международных, так и немеждународных военных конфликтах. Свое закрепление это правило нашло в норме 6 Обычного МГП, в статьях 51 (3) Дополнительного протокола I, 13 (3) Дополнительного протокола II, 8(2)(b)(i) и 8(2)(e)(i) Римского Статута.

Во время войны гражданское население нуждается в уважении со стороны тех, в чьих руках оно находится, тех, кто может их арестовать, плохо с ними обращаться, устрашать их, конфисковать их собственность, не предоставить им продовольствие и медицинское обслуживание.

Некоторые из этих гарантий предоставляются всем гражданским лицам, как это закреплено в статьях 13-26 Женевской конвенции VI о защите гражданского населения во время войны, статьях 72-79 Дополнительного протокола I. Тем не менее большинство из них относятся к так называемым защищенным гражданским лицам, определение которых дано в статье 4 Женевской конвенции VI – в основном это те лица, которые находятся во власти неприятеля, так как они пребывают на территории неприятеля или их территория оккупирована неприятелем. Это урегулировано в статьях 27-34, 47-135 Женевской конвенции VI.

Наиболее детализированные правила существуют относительно интернированных гражданских лиц. Этому вопросу посвящена часть VI раздела III Женевской конвенции VI. Такой детализированный режим для интернированных лиц обусловлен тем, что интернация есть исключением из общего правила – гражданское лицо, в отличие от комбатанта, не может быть задержано. Во многих аспектах это сходно с режимом, содержащемся в Женевской конвенции III об обращении с военнопленными.

Гражданское население также нуждается в уважении со стороны другого участника военного конфликта, во власти которого оно не находится, но который тем не менее может бомбить их города, атаковать их на поле боя, препятствовать получению продовольствия и корреспонденции. Правила защиты гражданского населения от последствий военных действий в основном размещены в Дополнительном протоколе I 1977 года и в международном обычном праве. Эти правила есть частью права ведения вооруженной борьбы и защищают все гражданское население, которое находится на территории сторон международного вооруженного конфликта.

В МГП остро стоит вопрос о беженцах и перемещенных лицах.

Если последовательно и полностью придерживаться базовых принципов МГП, можно предотвратить массовое перемещение гражданского населения. Международное гуманитарное право в условиях немеждународных конфликтов запрещает насильственное перемещение гражданского населения, тогда как в условиях международных конфликтов только предвидится такое запрещение на оккупированных территориях. Об этом говорит статья 49 Женевской конвенции VI о защите гражданского населения во время войны. Признается тот факт, что перемещение населения происходит не только по причине войны, МГП предусматривает защиту как перемещенным лицам, так и беженцам.

Перемещенные лица – это гражданское население, которое спасается бегством от вооруженного конфликта в собственной стране. МГП защищает перемещенных лиц в условиях международного конфликта как пример, предоставляет право получать помощь, необходимую для их выживания, как это предусмотрено в статье 23 Женевской конвенции VI и статье 70 Дополнительного протокола I. Перемещенные гражданские лица в условиях немеждународного вооруженного конфликта пользуются теми же правами, только менее детализированными. Такие ситуации регулируются третьей общей статьей Женевских конвенций и Дополнительным протоколом II.

Беженцы – это лица, которые спаслись бегством от вооруженного конфликта в другой стране. МГП защищает этих лиц как гражданское население, которое пострадало от военных действий, при условии, что они переместились на территорию державы, которая принимает участие в международном военном конфликте, как это урегулировано в статьях 35 и 46 Женевской конвенции VI. Или если эта страна граничит со страной, где происходит внутренний вооруженный конфликт, в этом случае будет действовать третья общая для всех Женевских конвенций статья, а также Дополнительный протокол II.

МГП особенно защищает беженцев, проникших на территорию неприятеля, от плохого обращения, основанного на их национальности – статья 44 Женевской конвенции VI о защите гражданского населения во время войны.

Беженцы, получившие свой статус еще до начала военных действий, рассматриваются международным гуманитарным правом в условиях международного конфликта покровительствуемыми лицами. Это предусмотрено в статье 73 Дополнительного протокола I. Существуют также особые гарантии для лиц, сбежавших на территорию, которая позже стала оккупированной государством, гражданами которой они являются – статья 70 (2) Женевской конвенции VI.

Также, принимая во внимание запрещение принудительной репатриации, конвенции четко определяют, что покровительствуемые лица не могут быть перемещены в страну, где они, возможно, будут подвергаться преследованию за политические или религиозные убеждения – статья 45 (4) Женевской конвенции VI.

Часть III раздела III Женевской конвенции VI регулирует вопросы оккупационного режима. Базовое правило гласит: оккупирующей державе надлежит восстановить и поддерживать общественный порядок и общественную жизнь, в том числе и благосостояние населения на оккупированной территории. При этом она не обязана достичь этого результата, но должна стремиться к осуществлению этой цели, используя для этого все адекватные средства, не запрещенные международным гуманитарным правом.

Защита прав человека в международно-правовом механизме экстрадиции

Нестеренко Светлана Сергеевна²³

аспирантка

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: svetulja-@ mail.ru

Экстрадиция - один из ключевых вопросов международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Интерес, проявляемый к исследованию института выдачи, связан с его значимостью как для международно-правовой практики, так и для теории международного права, поскольку экстрадиция неразрывно связана с такими фундаментальными правовыми категориями как права человека, юрисдикция государств, гражданство.

Особый интерес представляет проблема обеспечения и защиты прав и свобод лиц, подлежащих выдаче. Данный аспект не нашел еще достаточного освещения в научной литературе.

В развитии института экстрадиции проявляются противоречивые тенденции, вытекающие, с одной стороны, из необходимости борьбы с международной преступностью, а с другой - из безусловной обязанности соблюдения прав выдаваемого лица.

Принятие основополагающих документов, определивших международные стандарты защиты прав человека оказало существенное влияние на содержание института выдачи.

²³ Автор выражает признательность д.ю.н. Зелинской Н.А. за помощь в подготовке тезисов.

Такие международно-правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания и др., обусловили в целом определенное переосмысление экстрадиции, связанное с утверждением необходимости обеспечения прав человека в связи с выдачей.

Я. Броунли совершенно справедливо указал, что выдача правомерна только в том случае, если при данных фактических обстоятельствах она не представляет собой соучастия в нарушении прав человека или в преступлениях против международного права [1, С. 448].

Рассматривая механизм защиты прав и свобод лиц, подлежащих выдаче, можно условно выделить два ракурса исследования:

- изучение оснований отказа в выдаче. Характерной чертой законодательства многих стран становится положение, позволяющее государству отказать в экстрадиции, если у него есть основания полагать, что выдаваемое лицо подвергнется в запрашивающем государстве обращению, не совместимому с правопорядком запрашиваемого государства, а также противоречащему общепринятым стандартам в области прав человека [2, С. 5].

- анализ процессуальных гарантии лиц, подвергающихся процедуре экстрадиции (в соответствии с национальным и международным законодательством).

Фактор прав человека в экстрадиционном процессе, несомненно, подлежит учету при решении вопроса о выдаче. Вместе с тем вряд ли было бы правильным, если бы возможность нарушения любого права в обширном каталоге прав человека рассматривалась в качестве основания для отказа от экстрадиции. Поэтому в контексте рассматриваемой проблемы необходимо иметь в виду не «права человека вообще» как средство для блокирования запроса об экстрадиции, а определенные конкретные права, реальная возможность нарушения которых может явиться основанием для отказа от выдачи: нарушение запрета на дискриминацию, возможность подвергнуться пыткам или другим бесчеловечным либо унижающим достоинство видам обращения или наказания и др. [3, С. 119].

Важные гарантии защиты прав лица, вовлеченного в экстрадиционную процедуру, содержатся в Европейской конвенции о выдаче правонарушителей 1957 года. Эти гарантии направлены, главным образом, на защиту интересов выдаваемого лица от возможных преследований со стороны запрашивающего государства и выражаются в форме отказа в выдаче.

За пределами механизма защиты прав и свобод выдаваемого лица остаются вопросы защиты прав человека в запрашиваемом государстве, которое осуществляет в отношении предполагаемого преступника принудительные меры.

Права экстрадируемых лиц в запрашиваемом государстве охраняются через существующие универсальные и региональные международные инструменты, такие как Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и др. Кроме того, защита прав выдаваемого лица регламентируется в многосторонних и двусторонних договорах об экстрадиции.

Несмотря на то, что в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека нет специальной нормы, посвященной правовой защите экстрадируемого лица, обширная практика Европейского суда, связанная с толкованием ст. 3 (защита от пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения или наказания), дело *Bensaid v. U.K.* [4, С. 260]; ст. 5 (защита свободы и личная неприкосновенность), дело *Bozano v. France* [5, С. 34], в которых затрагивались вопросы выдачи, безусловно способствовала дальнейшему усилению защиты прав индивида в экстрадиционном процессе. Существенным моментом в развитии содержания института выдачи в направлении

обеспечения прав человека явилось утверждение в нем положения, согласно которому экстрадиция не может иметь места, если выдаваемому лицу не обеспечено справедливое судебное разбирательство.

Говоря о законодательстве Украины следует сказать, что в нем существует немало проблем. Так, законодательного и практического решения требуют вопросы относительно порядка задержания и взятия под стражу лица, выдача которого запрашивается, исчисление сроков примененной меры пресечения, предоставление лицу права судебной защиты, обжалование осуществленных в отношении него действий и принятых решений и др. Институт выдачи правонарушителей в национальном праве Украины, по существу, не разработан.

Возвращаясь к проблеме, поставленной нами вначале, можно сделать вывод, что ответ на вопрос о приоритете либо интересов борьбы с преступностью, либо защиты прав обвиняемого, осужденного от возможного нарушения его прав, зависит от конкретных обстоятельств дела. При этом необходимо указать, что экстрадиция находится в сфере действия международного права прав человека, поэтому и внутреннее законодательство и международное право защищают права выдаваемых лиц. Целью экстрадиции должно быть осуществление правосудия над лицом без нарушений его прав и свобод.

Литература

1. Броунли Я. Международное право. – В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: Прогресс, 1977. – 535 с.
2. Зелинская Н.А. Европейская конвенция о выдаче правонарушителей 1957 года и национальное законодательство Украины в контексте защиты прав человека // Проблемы вхождения Украины в европейское правовое пространство: Монография. За ред. С.В. Кивалова, М.Ю. Черкеса. - Одеса: Юридична література, 1999. – 116 с.
3. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice/ Н.Л. Сафаров. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 416 с.
4. Европейский суд по правам человека: Избранные постановления 1999-2000 гг. и комментарии / Под ред. Ю.Ю. Берестнева и А.О. Ковтуна. М., 2002.- 624 с.
5. *Bozano v. France*. Comm. Report 7.12.84. Para. 82. ECHR. Series A. No 111. P. 34.

Взаимодействие отраслей и институтов международного права в вопросе содержания под стражей беженцев и лиц, ищущих убежища

Поединок Ольга Романовна

аспирант

Институт государства и права им. В.М.Корецкого НАН Украины, Киев, Украина

e-mail: olga.poedinok@gmail.com

Вопрос содержания под стражей регулируется нормами международного права прав человека, института международно-правовой защиты прав беженцев и международного гуманитарного права. Цель исследования состоит в анализе взаимодействия вышеуказанных комплексов норм международного права в регулировании вопроса о содержании под стражей беженцев и лиц, ищущих убежища.

Сегодня практически не осталось сомнений в применимости международного права прав человека к вопросу о содержании под стражей беженцев и лиц, ищущих убежища. Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что «никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию», а ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещает произвольные аресты и содержание под стражей. Обязательства государств по ст. 9 Международного

пакта о гражданских и политических правах не являются такими, отступления от которых запрещены в соответствии со ст. 4 Пакта.

В то же время статья 31 Конвенции о статусе беженцев запрещает стеснять свободу передвижения беженцев ограничениями, не вызываемыми необходимостью. На практике выражение «ограничения, вызываемые необходимостью» толкуется государствами слишком широко, в связи с чем Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев неоднократно высказывало обеспокоенность.

Нередко исследователи обращают внимание на некоторое противоречие между положениями ст. 31 Конвенции о статусе беженцев и Пакта о гражданских и политических правах: статья 4 Пакта позволяет государствам отступать от своих обязательств по ст. 9 только «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется», а ситуация наличия на территории государства беженцев и/или лиц, ищущих убежища, к таковым случаям не относится.

Однако разрешению этого «противоречия» способствует добросовестная практика государств по применению обоих документов и деятельность Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, которое в 1999 г. издало Руководство по критериям и стандартам, относящимся к содержанию под стражей лиц, ищущих убежища, которое удачно сочетает в себе как подход, отраженный в ст. 31 Конвенции о статусе беженцев, так и требования международного права прав человека. Это является еще одним доказательством того, что нормы международного права прав человека и института международно-правовой защиты прав беженцев должны применяться одновременно при решении вопроса о возможности содержания под стражей и ограничения свободы передвижения беженца или лица, ищущего убежища.

В случае, когда беженцы оказываются во власти одной из воюющих сторон вооруженного конфликта, на них будут распространяться также нормы международного гуманитарного права, касающиеся защиты гражданского населения. В частности, IV Женевская конвенция устанавливает требования к интернированию гражданского населения. Соблюдение норм международного гуманитарного права при обращении с беженцами и лицами, ищущими убежища, оказавшимися во время вооруженного конфликта во власти одной из его сторон, является крайне важным, так как в соответствии со ст. 9 Конвенции о статусе беженцев государство во время войны или при наличии других чрезвычайных и исключительных обстоятельств может отступать от своих международных обязательств по этой Конвенции. То же касается и международно-правовых документов, посвященных защите прав человека в целом.

Результаты исследования показали, что взаимодействие норм международного права прав человека, института международно-правовой защиты прав беженцев, а во время вооруженного конфликта и международного гуманитарного права, в вопросе о содержании под стражей беженцев и лиц, ищущих убежища, направлено на обеспечение максимальной защиты прав таких лиц при решении вопроса об ограничении свободы их передвижения, а также возможности и условий их содержания под стражей.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека // <<http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>>
2. Конвенция о статусе беженцев // Иванов Д.В. Беженцы в современном международном праве. – М.: Междунар. отношения, 2006. – С. 147-168.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах // <<http://www.un.org/russian/document/convents/pactpol.htm>>
4. Rachel Brett, Eve Lester. Refugee law and international humanitarian law: parallels, lessons and looking ahead // IRRC. – 2001. – No. 843 (Vol. 83). – P. 713-725.

5. Refugee Protection: A Guide to International Refugees Law. – Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2001. – 142 p.
6. Stephane Jaquemet. The cross-fertilization of international humanitarian law and international refugee law // IRRC. – 2001. – No. 843 (Vol. 83). – P. 651-673.
7. Walter Kälin. Flight in times of war // IRRC. – 2001. – No. 843 (Vol. 83). – P. 629-649.

Международные неправительственные организации: определение правового статуса

Пучина Мария Александровна

студентка

Институт международных отношений

Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко, Киев, Украина

E-mail: masha.pu@gmail.com

Введение

Современные международные отношения характеризуются значительным увеличением количества (сейчас их около 9 тысяч) международных неправительственных организаций, возрастает их влияние на мир и на международное сотрудничество. Происходит процесс определения роли МНПО в международном праве и в международных правоотношениях. Глобальные опросы гражданского мнения свидетельствуют о большой степени доверия к МНПО, нежели к представителям власти или коммерческого сектора.

В международно-правовой литературе, особенно иностранной, МНПО исследуются уже на протяжении последних 60 лет. Еще в 1976 году И. И. Коваленко писал: «Увеличение роли международного общественного мнения позволяет говорить о сотрудничестве как факторе, который влияет на принятие решений в тех или иных конфликтных ситуациях, на подход стран к тем или иным мировым проблемам». В настоящее время можно констатировать факт отсутствия единого мнения относительно термина МНПО, компетенции таких организаций и определения их правового статуса, недостаточно изучены формы и пути влияния деятельности МНПО на международные отношения, не полностью обозначен их потенциал влияния на решения международных проблем, обходят стороной вопрос о перспективах их развития. Важным является этот вопрос и для Украины, так как роль МНПО на развитие страны с каждым годом увеличивается.

В 2006 году главы одиннадцати международных организаций, которые выступают в защиту прав человека, окружающей среды и социального развития, подписали Хартию общей ответственности МНПО²⁴, подчеркнув единственным возможным образом открытость своей деятельности. К сожалению, юридических последствий данный документ не имеет. В основе этой акции лежит ряд личных, национальных и отраслевых инициатив, начатых МНПО с целью установления единых стандартов отчетности и общих этических норм. Хотя деятельность таких организаций регламентируется правовыми нормами тех стран, где они зарегистрированы и где ведут свою деятельность, Хартия ответственности международных неправительственных организаций является первой такого рода инициативой, которая призвана разработать международные межотраслевые стандарты деятельности в негосударственном секторе.

²⁴ Ведущие международные неправительственные организации подписывают Хартию ответственности. – «Гражданское пространство» от 08.06.2006. – <<http://viche.org.ua/to-print?mid=4053>>. – Проверено 07.02.2008.

Результаты

Каждая МНПО остается национальной организацией в том значении, что она основана в конкретном государстве и подчиняется его праву. «Открытость» и «гостеприимство» одного национального законодательства отличается от другого. Среди принимающих стран лидирует Великобритания, Франция, Швейцария и США.

В настоящее время эксперты не предусматривают возможности введения системы, которая позволила бы учреждение МНПО на национальной основе, без того, чтобы быть юридическим лицом по законам конкретной страны. Государства, конкурируя с транснациональными корпорациями за роль в мировом порядке, в ближайшем будущем вряд ли согласятся допустить «посягательство» на свой суверенитет еще и со стороны третьего сектора.

Все проанализированные в докладе документы отображают существенный прогресс в аспекте предоставления иностранным организациям статуса, который является близким к национальному. Многочисленные попытки разработать универсальную международную конвенцию, которая бы определила юридический статус международных НПО, к этому времени не дали результатов. К примеру, Проект международного договора о международных НПО, который был разработан в 1959 году Союзом международных ассоциаций и представлен им в ЮНЕСКО, так и не был поддержан государствами. Вместе с тем были выработаны критерии, которые позволяют выделить подобные организации: 1) организация должна иметь некоммерческую основу; 2) организация не должна быть основана правительством государств на основе соглашения между государствами; 3) организация не должна использовать или пропагандировать насильственные методы; 4) организация не должна принимать участия в политической деятельности с целью получения власти; 5) международной является организация, если она имеет отделения хотя бы в трех странах; 6) организация должна иметь консультативный статус при ООН.

Правила использования понятия МНПО в международной практике не унифицированы, само понятие очень часто используется в разных значениях в терминологии отдельно взятого института. Указанный факт не уменьшает важной роли, которую играют МНПО в мире, а только демонстрируют отсутствие четкого и однозначного ответа, а также необходимость дальнейшей работы над установлением юридической основы их деятельности.

Литература

1. *Бекяшев К.А.* Международное публичное право. М.: Проспект, 2007. С. 287.
2. *Блищенко И.П., Абашидзе А.Х., Барчукова Н.С.* и др. Международные организации: Учебник. М.: РУДН, 1994. С.8.
3. *Коваленко И.И.* Международные неправительственные организации. М.: Международные отношения. 1976 год. С.57.
4. *Кузнецова Е.В.*, «Эволюция консультативного статуса международных неправительственных организаций при ЭКОСОП» // Белорусский журнал международного права и международных отношений, № 3, 2001. – http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=436&Itemid=52 . – Проверено 07.02.2008.
5. *Николаева Э.Н.* Международно-правовые проблемы международных неправительственных организаций. Дисс. канд. юр. наук. М., 2001, С. 4-5.
6. *Подшибякин С.А.* Правовой статус международных неправительственных организаций. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 27.
7. Европейская конвенция о признании правосубъектности МНПО. – <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=124&CM=8&DF=8/22/2007&CL=ENG>. – Проверено 7.05.2007.

Международно-правовое сотрудничество в контексте предотвращения трансграничного вреда от опасных видов деятельности

Райчева Виктория Радионовна

аспирант

Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, Киев, Украина

E-mail: vikaraycheva@gmail.com

Международное сотрудничество в вопросах охраны и защиты окружающей среды является необходимостью, вытекающей из глобального характера экосистемы, которая постепенно превращалась в юридическую обязанность общего характера.

Принцип сотрудничества между государствами является основополагающим в деле разработки и осуществления эффективной политики предотвращения значительного трансграничного вреда или любом случае сведения к минимуму риска его причинения. Требование о сотрудничестве государств распространяется на все фазы планирования и осуществления деятельности.

Принцип сотрудничества содержится во многих национальных, региональных и универсальных документах, которые по-разному формулируют его, но подтверждают его обязательность как общеправового принципа, конвенционной или обычно-правовой нормы.

Принцип 24 Стокгольмской декларации и Принцип 7 Рио-де-Жанейрской декларации признают сотрудничество в качестве основного элемента любого эффективного планирования деятельности в целях охраны окружающей среды.

В проекте статей Комиссии международного права, касающихся международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, сотрудничество рассматривается как один из ключевых принципов, которыми государства должны руководствоваться в данной сфере. Принцип сотрудничества следующим образом сформулирован в статье 4: «Заинтересованные государства добросовестно сотрудничают и обращаются при необходимости за помощью к одной или нескольким международным организациям для предотвращения значительного трансграничного ущерба или для сведения к минимуму его опасности». В проекте статей предусматривается участие государства, которое может быть затронуто, в любых превентивных действиях, необходимых для повышения эффективности таких действий. Это государство может лучше, чем кто-либо другой, знать, какие виды указанной деятельности могут представлять для него более значительную опасность нанесения ущерба или какие районы его территории, близкие к границе, могут быть в большей степени затронуты трансграничными последствиями указанной деятельности.

Обязанность сотрудничества часто включается в специальные договоры по охране окружающей среды (например, статья 8 Конвенции об оценке экологических последствий в трансграничном контексте 1991 года, Конвенция о сотрудничестве в сфере охраны и устойчивому использованию реки Дунай 1994 года), при этом она действует как на «предварительном этапе» с целью предотвращения трансграничного ущерба, так и на «заключительном этапе», когда встает вопрос о сокращении последствий уже причиненного ущерба окружающей среде. В первом случае основная обязанность государств заключается в проведении широких консультаций по превентивным мерам, которые, как указано в статье 11 проекта статей Комиссии международного права, должны быть направлены на поиск взаимно приемлемых решений, основанных на справедливом равновесии интересов. В статье 12 перечисляются такие главные факторы, как «степень опасности значительного трансграничного ущерба», важность соответствующей деятельности для государства,

причинившего ущерб, по сравнению с ущербом, который может быть причинен другим государствам, возможность и стоимость превентивных мер, принятая практика.

В Конвенции об оценке экологических последствий в трансграничном контексте детально расписывается порядок действий, а также при необходимости устанавливается механизмы предварительных консультаций, к которым могут или обязаны прибегать стороны. В общем смысле, международные организации экологической направленности являются теми рамками, в которых постоянно сотрудничают их участники.

Обязанности по информированию и оценке, возлагаемые на государства в вопросах деятельности, связанной с опасностью для окружающей среды являются следствием обязательства по сотрудничеству.

Следует отметить, что во всех указанных случаях принцип сотрудничества выражается для загрязняющего государства в обязанности известить о причинении ущерба и информировать об остановке. Для других же государств она заключается в оказании помощи «в пределах из возможности».

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года // <<http://www.un.org/russian/documen/declarat/riodecl.htm>>;
2. Стокгольмская декларация по окружающей среде 1972 года // <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_454>;
3. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 года // <<http://www.unece.org/env/eia/documents/conventionextrussian.pdf>>; Конвенция о сотрудничестве в области охраны и устойчивому использованию реки Дунай 1994 года // <<http://www.icpdr.org/icpdr-pages/drpc.htm>>;

Регулирование предоставления телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий в международном праве

Сивко Лидия Рудольфовна

аспирант

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

lidasyvko@gmail.com

Эффективные телекоммуникации являются необходимым элементом координированного предоставления помощи в случае аварий и катастроф техногенного и природного характера. Это часто требует выделения специальных радиочастот, спутниковой связи, доступа к всемирной сети Интернет, прочих средств связи, впрочем, как и специального оборудования, которое часто может импортироваться из-за рубежа.

Во второй половине XX столетия специализированные учреждения ООН и Международный телекоммуникационный союз прилагали усилия к активному использованию телекоммуникаций в поисковых и спасательных операциях, связанных с преодолением последствий стихийных бедствий, промышленных аварий и прочих катастрофических событий.

18 июня 1998 года на Межправительственной конференции по вопросам телекоммуникаций, проводимой в г. Тампере (Финляндия) была принята Конвенция о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществлению операций по оказанию помощи, которая вступила в силу 8 января 2005 года (далее – Конвенция Тампере).

Конвенция Тампере является первым и единственным универсальным международным договором, на основе которого создан всеохватывающий механизм международного сотрудничества на случай бедствий любого рода. Как следует из

названия, договор касается единственного, хотя и чрезвычайно важного, аспекта такого сотрудничества: предоставления средств связи. Примечательно, что в Конвенции содержатся положения, касающиеся предоставления помощи не только по схеме «государство-государству», но и с участием негосударственных субъектов (международных правительственных и неправительственных организаций).

Конвенцией предусмотрено, что государства обязаны сократить нормативные барьеры в использовании телекоммуникационных ресурсов, применяемых для смягчения последствий бедствий разного рода и предоставления помощи. Среди целей фигурируют снятие ограничений относительно импорта и экспорта телекоммуникационного оборудования, использования определенных типов оборудования и определенных радиочастот (ст. 9). Конвенция предлагает ряд мер, направленных на достижение поставленных ею задач. Их перечень не является абсолютным: снятие таможенных пошлин с телекоммуникационных ресурсов, предназначенных для использования в чрезвычайных ситуациях техногенного и природного характера; признания иностранных лицензий (разрешений) на использование и применение телекоммуникационного оборудования; упрощенного таможенного осмотра такого оборудования вплоть до временного приостановления действия некоторых административных правил с целью эффективного, быстрого, своевременного и качественного предоставления помощи пострадавшим.

Статья 4 Конвенции Тампере оставляет за пострадавшим государством право принятия решения относительно того, направлять ли запрос о предоставлении помощи, равно как и выбор для этой цели конкретных организаций или государств. Конвенция предусматривает обязательство государств-участников «в рамках, предусмотренных национальным законодательством» предоставлять привилегии и иммунитеты организациям и отдельным лицам, которые участвуют в операциях по оказанию помощи, в т.ч. от юрисдикции местных судов, от уплаты налогов и сборов за ввоз и использование оборудования, используемого в целях телекоммуникационной поддержки, иммунитет от ареста оборудования, его конфискации и ревизии.

Представляется, что Конвенция Тампере содержит достаточно эффективный юридический механизм, направленный на обеспечение быстрого и своевременного доступа к телекоммуникационным ресурсам, их использования для целей смягчения и преодоления последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий. В ней сбалансированы права и обязательства принимающего государства и государств или негосударственных субъектов, предоставляющих помощь. Важно отметить общий подход к регулированию данного аспекта с точки зрения защиты прав человека, в первую очередь права на жизнь. Справедливым может оказаться суждение, что механизм, при котором процедура доступа товаров и оборудования в пострадавшие районы может быть ускорена за счет исключения некоторых этапов экспорта-импорта, может и должен быть использован в отношении любых грузов гуманитарного характера.

Правовая сущность Еврорегиона: Устав и нормативное регулирование

Стадник Анна Валентиновна

аспирант

Киевский университета права НАН Украины, Киев, Украина

E-mail: anetstadnik@gmail.com

Целью исследования являются определение правовой сущности трансграничного сотрудничества в форме создания Еврорегиона, определение его правового статуса, порядка создания и регулирования его деятельности, а также исследование проблематики деятельности еврорегионов и поиск путей их устранения.

Еврорегион – это организационная форма трансграничного сотрудничества административно-территориальных единиц, которая осуществляется в соответствии с дво- или многосторонними соглашениями про трансграничное сотрудничество.

Создание Ассамблеи Европейских регионов создало правовой фундамент для создания и функционирования основной организационной формы трансграничного сотрудничества – Еврорегиона. В статье 2 Устава Ассамблеи дано определение региона.

Особенность правового статуса Еврорегиона заключается в том, что он может является или не является юридическим лицом, действует на основании устава, предусматривающего границы его компетенции. В иерархии органов государственного управления Еврорегион занимает положение после органов центральной власти и имеет политическое право представительства. Еврорегион по своей сути является органом трансграничного сотрудничества, который выполняет задания возложенные на него территориальными общинами или органами власти, в соответствии с целями его деятельности и как предусмотрено национальным законодательством.

Статут Еврорегиона должен содержать предмет и цели деятельности; состав участников, название еврорегиона, функции и местонахождение представительств, порядок назначения органов управления, обязательства участников и их вклад в уставной капитал; источники финансирования деятельности; состав и порядок работы рабочих органов; правила относительно регулирования фондов и счетов, порядок финансирования реализации общих проектов; порядок вхождения и выхода из состава участников, условия ликвидации.

Таким образом, Еврорегион в рамках своей компетенции и по согласию с центральными органами государственной власти разрабатывает и внедряет в жизнь специальные комплексные программы экономического, культурного и гуманитарного взаимодействия, а также реализует конкретные трансграничные экономические проекты.

Что касается законодательного регулирования деятельности Еврорегиона - она регулируется законодательством той страны, на территории которой находится его штаб-квартира. Но тут возникает закономерный правовой вопрос: как решается вопрос правовых коллизий в случае противоречия законов стран-участников Еврорегиона. В практике деятельности Еврорегионов сложился принцип, согласно которому правовое регулирование на территории каждого из членов Еврорегиона осуществляется в соответствии с действующим законодательством государства в состав которой он входит.

В 2002 году Кабинетом Министров Украины была утверждена Программа развития еврорегионов. Особое внимание к развитию еврорегионов обосновано постепенным приближением границ Европейского Союза к территории Украины, а также необходимостью исполнения стратегических заданий интеграции Украины в ЕС, необходимостью развития и углубления приграничного сотрудничества Украины с Российской Федерацией.

Еврорегионы, участие в которых принимают области Украины, имеют общие особенности:

- все они способствуют развитию трансграничного сотрудничества между областными органами власти (государственной администрацией или советами). При этом, органы управления нижних звеньев – район, сельской совет – фактически извлечены из системы организации трансграничного сотрудничества.

- организационные структуры всех еврорегионов подобны, сформированные по одной схеме. У них отсутствуют подразделения, целью которых является работа с населением и способствование привлечению финансов для реализации трансграничных проектов отдельными организациями, предприятиями; отсутствуют мониторинговые комиссии; текущую деятельность ведут подразделения органов власти, а не отдельные структуры.

Список использованной литературы:

1. Мікула Н. Євроореґіони: досвід та перспективи. – Львів: ІРД НАН України, 2003.
2. Европейская рамочная конвенция про трансграничное сотрудничество между территориальными общинами и властями, Мадрид, 21 мая 1980 года.
3. Устав Ассамблеи регионов Европы. Базель, 4 декабря 1996 года.

Проблемы договорного регулирования суррогатного материнства.

Степанова Ольга Александровна

студентка 5 курса

Марийский Государственный Университет, юридический факультет,

Йошкар-Ола, Россия

Электронный адрес: olgunya@gmail.com

Репродуктивное здоровье является важнейшей частью общего здоровья и занимает центральное место в развитии человека. Являясь отражением качества здоровья в детском и подростковом возрасте, поддерживая воспроизводство, оно также создает основу для обеспечения здоровья по прошествии репродуктивных лет жизни, как женщин, так и мужчин, и определяет последствия, передаваемые от поколения к поколению.

Суррогатное материнство представляет собой искусственное оплодотворение, имплантацию эмбриона, а также вынашивание ребенка для супружеской пары, для которых данный ребенок будет генетически родным, а для вынашивающей его женщины - "биологически чужим". Это сравнительно новый вид вспомогательной репродуктивной технологии, основанной на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО). Хотя суррогатное материнство может принимать различные формы, их общая черта заключается в том, что существует договор между женщиной, вынашивающей плод, и супружеской парой, согласно которому суррогатная мать вынашивает и рождает ребенка, а затем передает новорожденного на усыновление генетическими родителями.

Во всех странах, где осуществляются такие операции, возникают разнообразные общественные отношения, с ними связанные. Основными проблемами являются - проблема отношений между "суррогатной матерью" и генетическими родителями, отказ суррогатной матери от исполнения обязательств по договору, нежелание передачи ребенка генетическим родителям, правовая защита ребенка, рожденного по методу ЭКО и многие другие. В связи с многочисленными морально-этическими и религиозными аспектами данного вопроса национальные законодательства и политика большинства стран ограничивают суррогатное материнство. В некоторых государствах (Франция и Германия) оно вообще запрещено. В других государствах запрещены лишь коммерческие соглашения о суррогатном материнстве, и не допускается рассмотрение судебных исков по таким соглашениям. К таким государствам относятся Канада, Израиль, штат Виктория (Австралия), штаты Нью-Гемпшир и Вирджиния (США). Коммерческое суррогатное материнство также запрещено в Греции, Нидерландах, Норвегии, Швейцарии и Испании. Некоторые государства ограничивают использование репродуктивных технологий в связи с суррогатным материнством (Дания, Норвегия, Швеция). Разрешить возникающие проблемы и разногласия правового регулирования данного аспекта общественных отношений можно только на законодательном уровне, придав юридическую силу договору о суррогатном материнстве.

В России соглашение (договор) о суррогатном материнстве может быть коммерческое либо некоммерческое. Несмотря на разрешение Семейного кодекса РФ в диспозитивном порядке определять отношения между сторонами данного договора, формулировка ст. 51 СК РФ, которая определяет, что лица, состоящие в браке и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, после

рождения ребенка могут быть записаны в качестве родителей в книге записей рождения только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), ставит под сомнение юридическую силу данного договора. А так как законодательное регулирование на этом исчерпывается, то на практике возникает вопрос, как защитить стороны, заключившие договор о суррогатном материнстве.

Вопрос о правовой природе договора суррогатного материнства является спорным. Так, если договор не является гражданско-правовым, то в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами его условий невозможно применять нормы гражданско-правовой ответственности. И в этом случае вознаграждение суррогатной матери остается за рамками правового поля. С другой стороны, если рассматривать договор как гражданско-правовой, то возникает вопрос о его правовой принадлежности в рамках гражданского права. Имущественные отношения, возникающие по возмездному договору о суррогатном материнстве, по правовой природе ближе всего к договору возмездного оказания услуг. Согласно ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Перечень договоров, предусмотренных ч. 2 ст. 779 ГК РФ является открытым, что делает возможным применение положений гл. 39 ГК к договору суррогатного материнства. Кроме того, ст. 421 ГК РФ предполагает возможность заключения договора, содержащего элементы различных договоров. Следовательно, возмездные отношения, возникающие между сторонами, можно регулировать гражданско-правовыми методами.

В договоре должны оговариваться как минимум следующие положения: компенсация расходов на медицинское обслуживание; компенсация потерь в заработке; место проживания суррогатной матери в период беременности; медицинское учреждение, где будет происходить искусственное оплодотворение; последствия рождения неполноценного ребенка; обязанность суррогатной матери соблюдать все предписания врача, направленные на рождение здорового ребенка; обязанность суррогатной матери передать ребенка после рождения генетическим родителям; обязанность генетических родителей принять ребенка; санкции за невыполнение условий договора. Штрафные санкции, взыскание расходов с недобросовестной стороны, возмещение морального вреда и другие материальные возмещения должны быть существенными, что дисциплинирует стороны договора.

Таким образом, отношения, возникающие по договору о суррогатном материнстве, должны быть поставлены в правовые рамки. Статья 4 СК РФ допускает применение к семейным отношениям гражданского законодательства, следовательно, к имущественным отношениям могут быть применены нормы ГК РФ. Неимущественные отношения должны быть урегулированы нормами СК РФ, для чего, представляется, необходимо внести соответствующие изменения в соответствующие нормативно-правовые акты. Законодатель должен, прежде всего, закрепить правовое положение детей, родившихся в результате использования ВРТ, и обеспечить защиту прав сторон договора суррогатного материнства, не забывая при этом, что согласно ст. 1 СК РФ одним из принципов семейного законодательства является приоритет защиты прав и интересов детей.

Литература:

1. Айвар Л.К. Правовая защита суррогатного материнства. // Адвокат, 2006 - №3
2. Макаренко Г.Н. Применение вспомогательных репродуктивных технологий: проблемы правового регулирования.// Медицинское право, 2007 - №4

3. Малиновская Е.Г. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в мировой практике. Суррогатное материнство как один из методов ВРТ.// "Законы России: опыт, анализ, практика", 2007. - №6
4. Пестрикова А.А. Проблемы договора о суррогатном материнстве.// Гражданское право, 2006 - №2
5. Терешко Ю. Дети на заказ. // Эж-юрист, 2007. - №31

**Международно – правовая ответственность государства и её влияние на
законотворческий процесс Украины**

Суховой Филипп Иванович

студент

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, юридический
факультет, Киев, Украина*

E-mail: Sukhovoif@ukr.net

Вопрос влияния международно-правовой ответственности государства на процесс законотворчества имеет для Украины особое значение, и не только в контексте выполнения международных обязательств, а также для сохранности и усиления ее роли активного участника международной деятельности и статуса члена многих влиятельных международных организаций. В правовых системах разных государств существуют разные подходы к внедрению норм международного права во внутригосударственное и выполнение, таким образом, международных обязательств этих государств. При этом часто возникают вопросы объема норм международного права, которые необходимо инкорпорировать в национальное законодательство, признание международного права частью национального законодательства, приоритета международного права внутригосударственным, целесообразности создания специальных механизмов выполнения международных договоров, применение национальными судами международно-правовых норм и практики международных судов, как прецедентного права, и многих других вопросов. Отдельно хотелось бы остановиться на влиянии международно-правовых обязательств государства, в области прав человека, на законотворческий процесс. Специфика этих международных обязательств состоит в их объективном характере и базируется не на принципе взаимности, в рамках традиционного международного права, а на признании универсальных ценностей, которыми есть основные права и свободы человека. В процессе законотворчества должно быть учтено то, что, в случае принятия законодательным органом государства нормативного акта, который противоречит ее международным обязательствам, именно государство несет международную ответственность за это "законодательное нарушение" этих обязательств. А неодобрение законодательных актов, предусмотренных международными обязательствами государства, есть ее "законодательной бездеятельностью", относительно этих обязательств, которые в одном из своих решений заметил Европейский Суд по правам человека. Международно-правовая ответственность государства в области прав человека имеет преимущественно договорно-правовую основу, а договор содержит четкое определение обязательств и специальные процедуры обеспечения их выполнения. Это в определенной мере облегчает задачу законодателя относительно учета и обеспечения международной ответственности государства в законотворческом процессе. Существенное практическое значение для законотворчества имеет учет принятого в международном праве деления международных обязательств государства в области прав человека на негативные и позитивные. Эти две категории, безусловно, являются взаимосвязанными, поскольку никакое право человека, обеспечиваемое в контексте негативных обязательств, не может быть полностью гарантированным при отсутствии любых положительных действий со стороны

государства. Важно вспомнить неизменность международных обязательств государств в области прав человека на две группы: те, что выполняются постепенно и те, что выполняются немедленно. Например, международные обязательства относительно гражданских и политических прав имеют немедленное юридическое действие. В этой связи обязательства государств во всех договорах по правам человека сформулировано таким образом, который не позволяет промедление в выполнении этих прав, например, на свое усмотрение, или через финансовые, политические, экономические и любые другие причины. Пользуясь практикой Европейского суда по правам человека, было бы важно отметить, что в случае установления нарушений международно-правовых обязательств в области прав человека, государство обязано использовать все внутренние - правовые средства для устранения всех юридических и фактических следствий своего противоправного поведения. Европейский Суд по правам человека не может государству давать указаний относительно средств устранения нарушений и восстановление затронутого права, даже, если сам заявитель обращается с просьбой, например, отменить национальный закон. Решение Суда оставляет государству выбор средств, которые она может использовать во внутренней правовой системе для выполнения своего обязательства. В процессе выполнения решения Европейского Суда по правам человека государство обязано постановить меры общего характера, которые лежат вне рамок соответствующего решения Суда. Важно, чтобы законодательством регулировались суть, и механизмы применения мер индивидуального и общего характера. Эти меры прямо вытекают из Европейской конвенции по правам человека, а их законодательное упрочение есть необходимым для своевременной выплаты справедливой компенсации заявителю, предупреждение аналогичных нарушений в будущем. Как правило, внесение изменений в законодательство часто предполагается именно в рамках мер общего характера, которые уживаются для обеспечения соблюдения государством Европейской конвенции по правам человека, устранение недостатков законодательства и административной практики, указанных в решении Европейского Суда по правам человека. Важно заметить, что относительно решений Европейского Суда по правам человека, действует жесткий механизм контроля за их выполнением, который осуществляется, Комитетом Министров Совета Европы. Решения считаются выполненным в полном объеме лишь тогда, когда Комитет Министров СЕ закрывает рассмотрение дела о выполнении решения принятием соответствующей резолюции. Общий принцип международного обязательства государства состоит в том, что в случае совершения противоправного действия, государство несет ответственность за все действия всех своих органов и представителей. Права лица могут быть затронуты также вследствие решений национальных судов, вынесениях с применением законодательства, которое противоречит международному праву, или с неверным толкованием, или применением законодательства, которое отвечает международным обязательствам государства.

Чрезвычайно важно было бы проанализировать существующий в Украине механизм обеспечения соответствия всего массива законодательства международно-правовым документам в области прав человека, начиная с этапа законотворчества и завершая этапом реформирования законодательства в связи с соответствующими решениями международных судебных или других органов по правам человека. Такой анализ должен дать ответа на вопрос о том, какие положения законодательства чаще всего признаются международными органами такими, что приводят к нарушениям международно-правовых обязательств; какие нарушения возникли вследствие применения, неприменения или неверного применения законодательства. Необходимо проанализировать состояние выполнения Украиной решений международных органов, прежде всего, Европейского Суда по правам человека, в делах, стороной которых она есть.

Литература:

1. Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения. — К., 1976. — С. 7.
2. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. — М., 1966. — С. 115—120.
3. Василенко В.А., Селиванов В.Н. О понятии ответственности в международном праве. - Вестник Киевского университета. 1975. №1. С. 42.
4. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности. // Государство и право. 1994. №3. С.75.
5. Исаков В. Б. Подготовка и принятие законов в правовом государстве // Российская юстиция - 1997. № 7. С.13.

Юрисдикция национальных судов и международного арбитража при разрешении инвестиционных споров по Договору к Энергетической Хартии

Тропин Захар Владимирович

аспирант

*Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина
E-mail: zakhar.tropin@gmail.com*

Договор к Энергетической Хартии (ДЭХ) был принят в 1994 году и вступил в действие в 1998 году. Являясь уникальным международным договором, который регулирует практически весь спектр правоотношений в международных энергетических отношениях, основная особенность ДЭХ состоит в разработанном механизме разрешения споров, которые могут возникнуть на его основе. Фундамент механизма разрешения международных споров по ДЭХ, который обеспечивает высокий авторитет этого договора в международном праве, составляет система разрешения инвестиционных споров. Средства разрешения инвестиционных споров по ДЭХ содержатся в статье 26 и составляют систему средств разрешения споров, предусматривающую юрисдикцию национальных судов и различных международных арбитражей. Исследователи едины в своей позиции, что положение национальных судов в системе средств разрешения инвестиционных споров в соответствии со статьей 26 ДЭХ состоит в том, что национальные суды могут рассматриваться только как одна из альтернативных юрисдикций и никоим образом как предварительная стадия урегулирования инвестиционных споров, которая должна предшествовать обращению к международному арбитражу. Однако практика реализации средств разрешения инвестиционных споров по ДЭХ показала, что этот вопрос не столь однозначен и арбитражные трибуналы в том или ином аспекте сталкивались с ним. Например, в деле Nykomb определение соотношения юрисдикции национальных судов и международного инвестиционного арбитража по ДЭХ имело несколько специфические обстоятельства. Дело в том, что договор строительства электростанции, который и стал предметом спора, был заключен между SIA Windau (дочерним предприятием Nykomb Synergetics Technology Holding AB, последнее и выступало истцом по делу) и Латвэнерго и содержал положения про передачу всех споров относительно его под юрисдикцию национальных судов Латвии. Арбитражный трибунал фактически отказался рассматривать вопрос соотношения юрисдикции национальных судов и международного инвестиционного арбитража по ДЭХ, указав, что наличие положения про исключительную юрисдикцию латвийских судов в договоре не является препятствием для Nykomb Synergetics Technology Holding AB для обращения к арбитражу, поскольку Nykomb Synergetics Technology Holding AB не является стороной

этого договора. Таким образом, арбитражный трибунал, воспользовавшись обстоятельствами дела, фактически уклонился от исследования соответствующего проблемного положения ДЭХ.

Особенными были также обстоятельства определения соотношения юрисдикции национальных судов и международного инвестиционного арбитража по ДЭХ в деле Plama. Осложнение в этом деле состояло в том, что в национальных судах Болгарии рассматривался спор относительно права собственности на компанию Nova Plama AD (бывшая Plama AD), финансовая задолженность которой и выступала предметом арбитражного рассмотрения. Соответственно, Болгария заявила, что наличие спора относительно собственности на акции в национальных судах означает, что Plama Consortium Limited (истец и собственник Nova Plama AD) отказалась от возможности арбитражного рассмотрения в свете соответствующих положений ДЭХ. Арбитражный трибунал отклонил это замечание Болгарии, отметив, что наличие неразрешенных споров, которые еще будут рассматриваться месяцы, если не годы, сами по себе не могут означать, что руководство и советники истца осуществили отказ от арбитража. Такая позиция является вполне разумной, так как речь в деле фактически шла о двух абсолютно разных спорах, хотя и связанных между собой: в национальных судах рассматривалось дело о праве собственности на акции Nova Plama AD (то есть языком ДЭХ – о праве собственности на инвестицию); в инвестиционном же арбитраже рассматривалось дело о препятствовании Болгарией деятельности Nova Plama AD (то есть языком ДЭХ – о препятствовании государственными органами деятельности инвестиции).

В деле Petrobart вообще на момент рассмотрения дела существовало уже два вынесенных решения между теми же сторонами: решение местного суда Республики Киргизия и решение арбитража, основанного в соответствии с регламентом ЮНСИТРАЛ. Соответственно, Республика Киргизия заявила, что претензии Petrobart Limited должны быть отклонены на основании принципа *res judicata* (наличие решения по тому самому делу), поскольку уже имели место решения Бишкекского суда и арбитража ЮНСИТРАЛ по тому самому делу. Арбитражный трибунал заявил, что рассмотрение дела в суде Бишкек и арбитраже ЮНСИТРАЛ не имеют силы *res judicata*, поскольку производство в суде Бишкека было инициировано Республикой Киргизией и касалось только толкования и применения национального законодательства Киргизии, а арбитраж ЮНСИТРАЛ основывался только на Законе „Об иностранных инвестициях” Республики Киргизии, соответственно, предмет этих двух процессов отличался от этого арбитража, который осуществлялся на основании положений ДЭХ. Таким образом, арбитражный трибунал не признал применимость принципа *res judicata* фактически по той причине, что основания процессов во всех трех случаях были разными, став на позицию, что для применения принципа *res judicata* необходимо соблюдение трех критериев: споры должны быть между теми же сторонами, по тому же самому предмету и на тех же основаниях.

Как видно из решений по вышеуказанным инвестиционным спорам, которые возникли на основании ДЭХ, арбитражные трибуналы в той или иной мере рассматривали вопрос соотношения юрисдикции национальных судов и международного арбитража. Однако инвестиционные арбитражи фактически отказались рассматривать применимость положений ДЭХ относительно соотношения юрисдикции национальных судов и международного арбитража и, используя обстоятельства соответствующих споров, подтвердили свою юрисдикцию без детального анализа текста ДЭХ в этой части.

Литература

1. Договор к Энергетической Хартии и связанные с ним документы. - Брюссель: Секретариат ЭХ, 2004. – 256 с.

2. Договор к Энергетической Хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада/ Под ред. Т. Вальде, А.А. Конопляника. - М.: Международные отношения, 2002. – 632 с.
3. Petrobart Limited v. Kyrgyz Republic, Arbitral Award, The Arbitration Institute of SCC, 29 March 2005. – Режим доступа:
http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/Petrobart.pdf.
4. Plama Consortium Ltd. v. Republic of Bulgaria, Decision on Jurisdiction, ICSID Case No ARB/03/24, 8 February 2005. – Режим доступа:
http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/Plama.pdf.
5. Nykomb Synergetics Technology Holding AB v. Republic of Latvia, Arbitral award, The Arbitration Institute of SCC, 16 December 2003. – Режим доступа:
http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/Nykomb.pdf.

Международно - правовой аспект обеспечения права на защиту от пыток и иного жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения

Фаракина Ксения Фейзулаевна

студентка

Марийского государственного университета

E-mail: k.basty@gmail.com

Введение

Право человека на защиту от пыток и иного жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения закреплено в большинстве международных нормативных актах, в частности защита предусмотрена ст. 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращений или наказаний. Особая защита предоставляется в период вооруженных конфликтов, что предусмотрено ст. 3 общей для Женевских Конвенций 1949 года. Данное право относится к числу неотчуждаемых и не подлежит ограничению согласно п.2 ст.15 Европейской Конвенции о защите прав человека. Однако анализ международной практики позволяет выявить многочисленные отступления государствами от своих обязательств, в частности существует ряд проблем при привлечении к ответственности за применение пыток и иного жестокого и унижающего достоинство обращения к лицам находящимся в местах лишения свободы.

Институт судебной защиты от пыток и жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения.

Определение пыток дано в ст. 1 Конвенции против пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращений или наказаний, где пыткой признается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или ввиду дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. Таким образом, выявляются следующие признаки: 1- лицу должны быть причинены физические или моральные страдания, повлекшие за собой увечья, 2- а также умысел должен быть направлен на причинение страданий. Подобное определение дает возможность широкого толкования и осложняет процесс доказывания факта применения пыток к конкретному лицу.

Определения жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения в международном праве нет. Данная категория впервые была представлена Европейским Судом по правам человека в 1969 году²⁵. Суд определил бесчеловечное обращение как намеренное причинение сильных физических или моральных страданий лицу, а унижающим достоинство было признано обращение или наказание принижающее лицо по сравнению с другими людьми. Впоследствии данной категории было дано иное толкование, в деле Ирландия против Соединенного Королевства²⁶, судом в качестве жестокого обращения было признано использование пяти техник, а именно лишение сна, лишение еды, использование громкой музыки, мешков на голову в качестве средства подавления, и нахождение заключенного в неудобном положении в течение длительного времени. При этом суд указал на необходимость применения данных техник в совокупности, постоянно, длительное время в целях признания факта жестокого и бесчеловечного обращения.

В 2005 году решение, принятое Европейским Судом по делу Хашиев и Акаева против Российской Федерации, усложнило процедуру доказывания факта применения пыток или иного жестокого обращения. Суд указал, что в качестве основного доказательства по делам данной категории должны рассматриваться результаты медицинской экспертизы заключенного. При этом судом по делу должны учитываться только неоспоримые²⁷ и взаимосвязанные²⁸ доказательства. При этом практика последних лет, в частности деятельность правоохранительных органов США на территории Кубы, выявила, что применение ряда техник осложняет процесс доказывания, ввиду того, что не влечет физических увечий, которые могут быть подтверждены медицинской экспертизой. При анализе конкретных видов техник применяемых к заключенным Израильский Верховный Суд в 1999 году указал также, что пол, возраст заключенного, обстоятельства применения техники в значительной мере влияют на признание факта пытки. Например, суд провел различие между намеренным лишением сна заключенного с целью подавления и бессонницей в качестве побочного эффекта следственных действий. Аналогичная оценка была дана применению громкой музыки, было указано на субъективность данного понятия.

На фоне борьбы с терроризмом активно обсуждается также «аргумент тикающей бомбы», а именно возможность применения насилия к лицу, с целью получения информации о планируемом теракте, если его можно избежать. В частности Алан Дершович приводит пример с бомбой, заложенной в центре Нью-Йорка или похищенным маленьким ребенком.

Выводы:

Таким образом, международная практика исходит из того, что меры, применяемые к заключенному, не должны превышать мер необходимых в той или иной ситуации, при конкретном поведении заключенного²⁹. Судом также учитывается тот факт, что содержание под стражей, а также само наказание изначально сопряжено с ограничениями.³⁰ Государства исходят из необходимости принудительных мер, возникающих в тех или иных обстоятельствах. Зачастую, особенно в период вооруженного конфликта правовые гарантии неприкосновенности становятся лишь основанием привлечения государства к ответственности за уже совершенное правонарушение. Все эти обстоятельства в совокупности с отсутствием судебной практики подтверждающей ответственность за применение конкретных техник,

²⁵ Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece, the European Court of Human Rights, 1969

²⁶ Ireland v. United Kingdom, the European Court of Human Rights, 18 January 1978.

²⁷ Mikheyev v. Russia, European Court of Human Rights, 26 January 2006.

²⁸ Ireland v. United Kingdom, the European Court of Human Rights, 18 January 1978.

²⁹ Yuksul v. Turkey, the European Court of Human Rights, 20 July 2004.

³⁰ Kudla v. Poland, the European Court of Human Rights, 26 October 2000.

способствуют нарушению основополагающего права человека на защиту от пыток и иного жестокого, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения.

Литература:

1. Eric David. The Principles of armed conflicts. Lections from Law faculty of Bruxelles University/ Eric David.- ICRC,2000.
2. Jordan Paust, Executive Plans and Authorizations to Violate International Law Concerning Treatment and Interrogation of Detainees// Columbia Journal of Transnational Law.- 811.-2005
3. Judgement on the Interrogation Methods applied by the GSS, Israeli Supreme Court, 1999./ <http://www.derechos.org>
4. Leila Sadat. Extraordinary Rendition, Torture, and Other Nightmares from the War on Terror: George Washington Law Review / Leila Sadat, 2007
5. The Istanbul Protocol: International Guidelines for the Investigation and Documentation of Torture(1999)./ www.unhchr.ch/pdf/8istprot.pdf
6. Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика/ общ. ред. С.И. Беляева.- Изд-во Урал. Унив, 2005.- 244с.

Калининградская область как особый регион сотрудничества России и Европейского Союза

Фардеева Ирина Николаевна³¹

*Соискатель кафедры международного и европейского права
ГОУ ВПО Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, г.
Казань, Республика Татарстан, Россия
Fardeeva@mail.ru*

Официальные взаимоотношения России и Европейского Союза начали формироваться с конца прошлого века. В основе такого взаимодействия лежит Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство и сотрудничество между Россией и Евросоюзом, заключенное в 1994 г. на о.Кофу (Греция) и вступившее в силу в 1997г.³².

30 ноября 2007 г. истек срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом.

При анализе перспектив дальнейшего взаимодействия России с Евросоюзом в рамках Соглашения можно увидеть, что оно в определенной степени устарело, потеряло полноту по ряду сфер применения, слабо стимулирует взаимные инвестиции, межрегиональное и приграничное сотрудничество, недостаточно эффективно при решении наиболее острых для России вопросов, в частности, проблемы жизнеобеспечения Калининградской области.

Калининградская область, которая после вступления в Европейский Союз Польши и Литвы приобрела статус эксклавной российской территории внутри общего экономического пространства Евросоюза, обнаружила себя в качестве плацдарма для апробирования новых «пилотных» форм взаимодействия³³.

³¹ Автор выражает признательность к.ю.н., доценту кафедры международного и европейского права Тюриной Н.Е. за помощь в подготовке тезисов.

³² Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Заключено на о. Корфу 24.06.1994) // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 16. - Ст. 1802.

³³ Литвин М.С. Политика реализации стратегического партнерства между Россией и ЕС. (На примере Калининградской области): Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. - М., 2006. - С. 4.

Сегодня Калининградская область является объектом особого внимания ряда европейских стран, так как расширение Евросоюза на восток ставит вопрос сохранения территориальной целостности и государственного суверенитета Российской Федерации. Запад рассматривает Калининградскую область как расширяющуюся территорию Европейского Союза, с перспективой превращения региона в «четвертую балтийскую республику»³⁴.

Универсальной базой взаимоотношений с Евросоюзом в решении этой острой проблемы могло бы послужить специальное долгосрочное соглашение по Калининграду или план совместных действий на среднесрочную перспективу. Их реализация позволила бы направить в регулируемое русло многие болезненные для Калининграда процессы, вызванные укреплением внутреннего порядка и внешних границ Евросоюза. В Соглашении необходимо предусмотреть придание Калининградской области особого статуса – территории, на которой действует специальный федеральный конституционный закон. Также Россия должна понимать, что Калининградская область – это особая территория, для которой требуется особая экономическая программа развития.

Литература

Алчинов В.М. Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2006. – 46 с.

1. Литвин М.С. Политика реализации стратегического партнерства между Россией и ЕС. (На примере Калининградской области): Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. - М., 2006. – 23 с.
2. Отношения России и Европейского Союза: современная ситуация и перспективы ситуационный анализ: доклад (краткое изложение), выводы и рекомендации / Под руководством С.А. Караганова. – М., 2005. – 27 с.
3. Содействие преобразованию Калининградской области в пилотный регион сотрудничества России и Европейского Союза. – Калининград, 2003.

Особенности реализации принципа равноправия и самоопределения народов в контексте принципа территориальной целостности государств

Цимбривский Тарас Степанович
аспирант

Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Львов, Украина

E-mail: tsymbr@gmail.com

На современном этапе развития системы межгосударственных отношений в условиях необходимости обеспечения международной законности и правопорядка происходит динамический поиск унифицированной модели соотношения между принципом равноправия и самоопределения народов и принципом территориальной целостности государств. Специфика данной проблемы состоит прежде всего в дихотомии вопроса связанного с обеспечением коллективных прав человека предусмотренных нормативным содержанием принципа равноправия и самоопределения народов и выполнением субъектами международного права обязательств в соответствии с принципом территориальной целостности. На этой почве нередко имеют место академические дискуссии о существовании той или иной степени примата между двумя принципами. Соответственно первостепенная задача ученых заключается в разработке

³⁴ Алчинов В.М. Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2006. – С. 23.

научных подходов, основанной на текущих особенностях практики международного права в данной сфере, с целью разрешения целого комплекса вопросов правового характера, которые возникают в связи с этим.

Особый интерес представляет собственно сецессия – внешний аспект самоопределения, поскольку ее реализация создает коллизии во время правового регулирования отношений между субъектом сецессии и государством. Отличительной чертой практики международного права является отсутствие общих подходов касательно юридических оснований для реализации сецессии. В данном контексте объект научного интереса представляет анализ некоторых примеров сецессии которые имели место в практике международного права. В ряде случаев международное сообщество государств категорически отказывалось признавать правомерность ситуаций созданных в результате одностороннего выхода административно-территориальных единиц с состава государственной территории (*провозглашение независимости Биафры от Нигерии 1960 г., Катанги – от Конго 1960 г., Бабулы – от территории Северной Катанги 1961 г.*)

Следующий пример сецессии связанный непосредственно с процессом распада *бывшего Советского Союза*. Вследствие принятия рядом республик бывшего Советского Союза односторонних актов о государственном суверенитете и независимости *de facto* произошли изменения в их международно-правовом статусе. Несмотря на некоторые элементы несоответствия подобных действий внутреннегосударственному праву бывшего федеративного государства, республики *de jure* обрели независимость после подписания в 1991 г. международного договора о создании СНГ 1991 г. и последующего их признания международным сообществом. Показательно, что международное сообщество расценивало данный международно-правовой акт как проявление согласия со стороны бывшего Советского Союза на реализацию республиками сецессии и использовало этот аргумент с целью установления полных дипломатических сношений с новыми странами. С этого следует, что фактически имплементация результатов сецессии состоялась благодаря актам международно-правового признания. В заключении верховного суда Канады по делу Квебека, в частности, оговаривается возможность осуществления сецессии в одностороннем порядке при условии признания международным сообществом ее легитимности. Таким образом, пример распада бывшего Советского Союза подтверждает, что взаимное согласие сторон, а также международно-правовое признание выступают основополагающими факторами, которые обеспечили правовые основы осуществления сецессии на практике. Учитывая данные обстоятельства целесообразно презюмировать, что подобные действия не следует рассматривать как нарушение территориальной целостности бывшего Советского Союза. В данном контексте справедливо обратить внимание на неудачные попытки сецессии со стороны Чеченской Республики и Республики Татарстан, которые состоялись без предварительного согласия Российской Федерации и соответственно не получили поддержки от других государств. В сущности Афганистан представляет одно из немногих государств, что согласилось признать Чеченскую Республику в 2000 р., а решение конституционного суда Российской Федерации по делу Татарстана 1992 г. отражает негативную оценку подобных действий с точки зрения внутреннегосударственного права. Поэтому примеры сецессии Чеченской Республики и Республики Татарстан, как представляется, противоречат принципу территориальной целостности государств.

Распад бывшей Югославии берет начало в поочередном выходе субъектов федерации из ее состава. Решение юридических вопросов связанных с сецессией республик бывшей Югославии произошло в беспрецедентный для практики международного права способ. С этой целью международное сообщество учредило специальный международный орган (*комиссия Бадинтера*). Собственно концептуальное

начало решений комиссии Бадинтера воспроизводит доктрина *uti possidetis juris* функционально направленная на обеспечение принципа территориальной целостности. Согласно с этим подходом внутренние административные границы субъектов федерации преобразовались в границы с международно-правовым статусом, а прежние внешние международные границы бывшей Югославии остались неизменными. В связи с этим, а также – последующим международно-правовым признанием новообразованных государств, их приемом в члены ООН создаются определенные основания для утверждения о соблюдении юридических обязательств установленных нормативным содержанием принципа территориальной целостности. В данном случае, в отличие от распада бывшего Советского Союза, просматривается факт отсутствия согласия со стороны федерального правительства бывшей Югославии на совершение республиками актов сецессии. Тем не менее, правомерность реализации сецессии субъектами федерации бывшей Югославии усматривается в признании этих государств.

Таким образом, особенности анализа практики международного права свидетельствуют об использовании механизмов *ad hoc* по отношению к правовому регулированию отношений связанных с реализацией сецессии. Сегодня преждевременно констатировать о наличии конкретных юридических параметров соотношения между принципом равноправия и самоопределения народов и принципом территориальной целостности. В одних случаях применяются процедуры *международного характера* (резолюции международных организаций, специальные международные органы), в других – процедуры на уровне *внутригосударственного права* (постановления национальных судебных органов). Имплементация результатов сецессии в большинстве случаев прямо зависит от международно-правового признания. В связи с этим закономерности развития сецессии в рамках системы международных отношений обусловлены как современными подходами международного сообщества в данной сфере, так и появлением в будущем новых угроз и вызовов существующему мировому порядку. В силу чего существует объективная необходимость адаптации дальнейших исследований на этот предмет к динамике практики международного права.

Литература

1. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – СПб: „Юридический центр пресс”, 2005. – С.479-480
2. Кремнев П.П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. – М.: „Зерцало-М”. 2005. – С.197-208
3. Шумилов В.М. Международное право. – М.: „Велби”, 2007. – С.92
4. Grant T. Hallstein revisited: unilateral enforcement of regimes of nonrecognition since the two Germanies // Stanford Journal of International Law. – Vol.36, 2000. – P.241-242

Эффективность международного права как результат воплощения справедливости

*Чайковский Юрий Владимирович*³⁵

аспирант

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: yuvch@ukr.net

В последнее время возникают сомнения в эффективности международного права, в его способности противостоять нарушителям международного правопорядка.

Необходимо отметить, что право постоянно сопровождает человечество со времен перехода от варварства к цивилизованному общению. При этом оно призвано упорядочить общественные отношения, должно стать гарантией свободы личности. Противоположное видение роли и места права в жизни общества выражала доминировавшая в социалистическом праве марксистская теория происхождения права,

³⁵ Автор выражает признательность профессору, д.ф.н. Ивакину А.А. за помощь в подготовке тезисов.

в соответствии с которой основное его назначение – выражение воли правящего в обществе класса. Такой подход привел к засилью правового нигилизма, злоупотреблениям в конструировании и применении правовых норм. Данный ошибочный взгляд на право лишает его смысла как инструмента, обеспечивающего мирное сосуществование людей. Вся ценность права состоит в гарантии свободы человека, и именно такое понимание права несет естественно-правовой подход.

Понимание международного права не как системы норм, а как воплощение справедливости и закрепление международной морали есть практически отождествление его с правом как таковым, но не на межчеловеческом уровне, а на уровне международном. При этом эталоном международного права является его соответствие естественному разуму, закрепление в его нормах справедливости и морали. Время от времени, естественное право выходило за пределы теории и прямо влияло на стандарты, которые создавались правительствами. Естественное право было предложено как источник правовых норм для международного права, сыграло значительную роль в формировании международных стандартов прав человека.

Международное право неизменно во времени и ничем не отличается в различных обществах – таков основной тезис естественно-правовой теории. Люди равны от природы и обладают одинаковым объемом прав, присущих им от рождения. В глобальном мире право такой же необходимый элемент, очень важный регулятор, как и национальные традиции, обычаи и моральные ценности, лежащие в основе внутригосударственных законодательных актов. В настоящее время подавляющее большинство государств признает примат международного права в международных отношениях.

Появление международного права было вызвано необходимостью регулирования отношений, вышедших за пределы одного государства. И направлены его нормы не на доминирование одного субъекта над другим, а на справедливое и устраивающее обе стороны правовое регулирование той или иной ситуации путем согласования воли субъектов. Никто не вправе заставить государство подчиняться определенным нормам кроме него самого. А это означает, что при выработке норм международного права происходит поиск наиболее справедливого разрешения между государствами той или иной ситуации, что есть практически отождествление международного права со справедливостью в таком его понимании.

Становление упорядоченной и эффективной системы международного права – это необходимость, вызванная реалиями глобализации. Государства добровольно придерживаются норм международного права, кроме того, отмечается рост его влияния на компетенцию внутригосударственных органов, современные конституции большинства государств содержат в себе ссылки на международное право.

Очень важен вопрос эффективности международного права, поскольку само существование правовой нормы зависит от ее эффективности. Национальные нормы гарантируются принуждением к их исполнению. В этом смысле, можно с уверенностью утверждать, что международное сообщество также осуществляет социальное давление к исполнению норм международного права. Относительно отсутствия санкций и принуждения в международных нормах необходимо отметить, что правом на принудительное обеспечение выполнения норм международного права обладают практически все его субъекты. Ответственность же за невыполнение международно-правовых норм получает новый виток развития в условиях глобализации всех сфер деятельности и стирания межгосударственных границ. В связи с глобализационными процессами в мире, возможность применения международно-правовых санкций, как политических, так и материальных, к нарушителям норм международного права значительно упрощается. При этом не стоит забывать, что международные нормы будут соблюдаться субъектами исключительно в зависимости от степени закрепления в них

норм справедливости. Т.е. и эффективность международного права определяется его справедливостью, поскольку подчиняться субъекты международного права будут лишь нормам, которые представляются им справедливыми. Нарушения же норм международного права не служат доказательством его неэффективности, как и нарушения внутригосударственных норм не являются отрицанием его эффективности. Более того, почти все государства соблюдают основные принципы и обязательства, закрепленные международным правом, чего не скажешь о соблюдении права национального его субъектами.

Проведенное исследование еще раз подтвердило, что особенность международного права состоит в том, что оно – это тот идеал, который призван быть эталоном для национальных правовых систем. Его реализация происходит, в том числе, и путем имплементации норм в национальные правовые системы, а степень заимствования международно-правовых норм внутренними законодательствами достаточно высока. Это не прямое свидетельство их эффективности, а подтверждение справедливости, воплощающейся в международном праве, позволяющей государствам добровольно включать международные нормы в собственные правовые системы.

Литература

1. Международное публичное право / Под ред. К.А.Бекяшева.- 4-е изд., перераб. и доп.- М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.- 784с.
2. Мережко А.А. История международно-правовых учений.- К.: Таксон, 2006.- 492с.
3. Філософія права / За ред. Джоела Фейнберга, Джулса Коулмена; Пер. з англійської П.Таращук.- К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2007.- 1256с.

Бассейновый подход в урегулировании режима трансграничной реки Днепр

Чернявская Ольга Леонидовна

аспирант

Институт международных отношений Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

E-mail: nazarch@i.com.ua

Днепр – великая река трех народов – России, Украины и Белоруссии. Это одна из крупнейших и самых значительных водных артерий Европы. Ее роль для народного хозяйства бассейновых государств, а также влияние ее экологического состояния на окружающую среду всего региона обуславливает необходимость в повышенном внимании к проблемам Днепра.

Урегулирование режима трансграничных рек осуществляется с использованием различных подходов. Все больший вес в мире приобретает концепция бассейнового подхода или же интегрированного управления водными ресурсами. Именно использование бассейнового подхода к управлению трансграничными водами предполагает, в частности, Водная директива Европейского Союза.

Как известно, речные бассейны – это относительно замкнутые системы. Водные ресурсы занимают в природных комплексах особое место. Они являются

системообразующим фактором, который связывает в единое целое разные формы биологической жизни на территории реки.

Суть принципа состоит в том, что базовой единицей управления водными ресурсами становится не область и не район, а бассейн реки. Для каждого бассейна предполагается разработка долгосрочного плана управления. К его разработке и утверждению обязательно должны быть привлечены представители всех заинтересованных сторон: представители органов власти, экологических служб, промышленности и сельского хозяйства, специалисты по водным дисциплинам и представители общественности.

Практика европейских стран показала высокую эффективность бассейнового подхода в урегулировании проблем трансграничных рек. К сожалению, в урегулировании проблем Днепра этот прогрессивный принцип используется в недостаточной мере, хотя идея устойчивого развития речных бассейнов нашла отображение в нормативных документах бассейновых стран. Так, в новом Водном Кодексе РФ 2006 года было определено понятие речного бассейна. Среди основных принципов использования вод указано регулирование водных правоотношений в рамках бассейновых округов. На данный момент в РФ есть 29 бассейновых округов, в том числе и Днепровский. Его совет решает вопросы, возникающие в бассейне, но недостаточно учитывает в своей деятельности трансграничный характер этого водотока.

В Водном кодексе Украины 1995 г. с последними изменениями 2006 г. появилось понятие водосборного бассейна. В Республике Беларусь стремление к переходу к бассейновому подходу декларируется, но реализуется пока что неактивно.

На международном уровне в рамках программы ПРООН-ГЭФ был создан Международный Бассейновый Совет Днепр в рамках программы экологического оздоровления бассейна Днепра с целью обеспечения устойчивого международного сотрудничества между Беларусью, Россией и Украиной по формированию эффективного организационного механизма, подготовки и выполнения Стратегической программы действий экологического оздоровления бассейна Днепра и Национальных планов действий.

Создание такого Совета имеет огромное значение. Им три бассейновых государства продемонстрировали добрую волю к созданию прочных законодательных и организационных основ своего сотрудничества. В Резолюции, принятой на первой сессии Совета, было указано, что охрана, использование и восстановление природоресурсного потенциала бассейна Днепра должны реализоваться комплексно и системно исключительно на основе бассейнового подхода.

С того времени Международный Днепровский совет провел несколько сессий, но его резолюции носят преимущественно декларативный характер. Тем не менее, развитие бассейнового управления продолжается. Так, например, в Украине никопольское отделение Международного Фонда Днепра инициировало создание общественного бассейнового парламента Нижнего Днепра. 1 ноября 2007 года в г. Ровно был подписан договор о создании Бассейнового совета руки Припять (приток Днепра) относительно совместного использования и охраны ее водных ресурсов.

Большинство исследователей сходятся на том, что в полной мере реализовать на практике бассейновый подход к урегулированию проблем Днепра можно в несколько

этапов. Первый – создание информационной базы по речному бассейну. Второй этап – это систематический анализ спроса на воду. Третий этап предполагает расстановку приоритетов и определение возможных рисков при водопользовании. Только при таком подходе возможно избежать конфликтов интересов, выбрать правильные приоритеты и разработать план управления ресурсами трансграничного бассейна реки Днепр для максимального обеспечения экономического и социального благополучия на равноправной основе.

Литература:

1. Васенко О.Г., Лозанський В.Р. Система управління охороною вод у басейні Дніпра. – Харків: УкрНДІЕП, 1999
2. Виноградов С.В.. Устойчивое управление водой через охрану экосистем: эффективное взаимодействие международных правовых режимов? Материалы семинары «Роль экосистем как поставщиков воды», Женева, 13-14 декабря 2004
3. Жерелина И. У истоков бассейнового подхода. Медвежий угол. № 15 Ежеквартальное издание ИСАР-Сибирь. PDF-версия. <http://ecoclub.nsu.ru/isar/mu15/index.htm>
4. Зиганшина Д. Правовые аспекты интегрированного управления водными ресурсами. - Водно-экологический портал Центральной Азии [Электронный ресурс]. – 2004. Режим доступа: www.ca-water-info.net/reta/library.
5. Как осуществляется управление водными ресурсами в Беларуси (по данным экспертов ТАСИС, исследовавших этот вопрос в рамках проекта «Снижение сельскохозяйственного и промышленного загрязнения бассейна р. Неман» 2003 г.) <http://www.nemanenvironment.org/index.php?ilist=6>
6. Кейз Д. Использование водных ресурсов речных бассейнов. М., 1988
7. Стратегическое партнерство по воде в целях устойчивого развития. Компонент ВЕКЦА Водной инициативы ЕС. Программный документ. – Материалы Пятой конференции министров "Окружающая среда для Европы". Киев, Украины, 21-23 мая 2003 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.ppcenvironment.org/assets/resources/inf.33.r.pdf
8. C. Dieperink. Salmon, Sustainability and Transboundary Kiver Basin Management, Some reflections./ Transboundary River Basin Management and Sustainable Development. IHP. UNESCO, 1993, pp 15-20.

Международная охрана авторских и смежных прав

Щинова Екатерина Викторовна

студент

*Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, факультет Права,
Москва, Россия*

E-mail: gusarova-katrin@mail.ru

В настоящее время самой актуальной проблемой в области охраны интеллектуальной собственности является незаконное использование её объектов, производство и оборот контрафактной продукции, что, в свою очередь, оказывает губительное влияние как на творчество самого правообладателя, так и на культурный потенциал страны в целом. Пиратство ограничивает и постепенно сокращает творческую инициативу в государстве, лишает его существенного дохода в виде налоговых и иных отчислений, производимых в законном порядке.

Помимо внутригосударственных механизмов охраны интеллектуальной собственности, существует система международной охраны, которая включает в себя

перечень международных актов, принципов и механизмов, обеспечивающих правовую защиту объектов интеллектуальной собственности. Она устанавливает правовой режим созданного произведения, существующий на территории государств-участников того или иного механизма.

Среди основополагающих документов, устанавливающих принципы международной охраны авторских прав, необходимо отметить Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года, неоднократно изменявшуюся и дополнявшуюся, последний раз - Парижским актом от 24 июля 1971 года, и Всемирную конвенцию об охране авторских прав, вступившую в силу в 1952 г. Помимо указанных основополагающих документов необходимо сказать о нормотворчестве Европейского Союза, выраженного в ряде Директив, самой основополагающей из которых для данного исследования является [Директива Европейского Совета от 29 октября 1993 г. о согласовании сроков защиты авторских и смежных прав \(93/98/ЕС\)](#). Необходимо отметить тот факт, что унификация сроков охраны объектов авторских и смежных прав в рамках участников международного сообщества является задачей первостепенной важности, в связи с чем законодательство ЕС является важнейшим инструментом в сфере охраны интеллектуальной собственности.

Согласно тексту Бернской конвенции и других существующих актов, международная охрана объектам интеллектуальной собственности предоставляется в соответствии со следующими принципами: принцип национального режима охраны авторского права на литературные и художественные произведения (принцип ассимиляции), в соответствии с которым любому произведению, созданному в одной из стран - участниц Конвенции, в любой другой стране-участнице предоставляется такая же охрана, как и созданным в ней произведениям; возникновения авторского права независимо от выполнения каких-либо формальностей: регистрации, депонирования и т.п.; предоставления охраны во всех странах - участницах Конвенции независимо от наличия охраны или срока ее действия в стране происхождения произведения; принцип определенного минимального объема охраны, который должны обеспечить национальные законодательства стран-участниц в отношении правообладателей и авторов

Однако, по мере анализа применения на практике того или иного принципа, как правило, возникают проблемы. Как отмечают многие авторы, в действительности, сфера применения правовых режимов, созданных Бернской и Парижской конвенциями и другими многосторонними унификационными договорами, действующими в этой области, хотя и основывается на предоставлении иностранцам в каждом участвующем в договоре государстве национального режима, в рамки этого принципа точно не укладывается. Даже на законодательном уровне национальные режимы часто имеют многие исключения из международных стандартов, не говоря уже о том, что на практике проблема с соблюдением данных стандартов стоит крайне остро. Ярким тому примером является откровенное «упущение» российского законодательства относительно упомянутой ранее Директивы ЕС о согласовании сроков защиты авторских и смежных прав: согласно международным стандартам, кстати, интегрированным большинством стран-участников ЕС, срок действия авторских и смежных прав начинается со дня *законного* опубликования произведения, в то время как российский законодатель опускает *законность* протекания данных сроков, таким образом, уже ограничивая права авторов.

Кроме того, в существующих англо-саксонской и континентальной системах с различным правовым режимом предписания Бернской или иных конвенций, не обеспечивают достаточный уровень гармонизации. В связи с вовлечением в авторское право все большего числа объектов охраны, которые имеют мало общего с

классическими стремлениями охраны литературных и художественных произведений, например, компьютерных программ или баз данных, возникает проблема дифференциации регулирования отдельных объектов интеллектуальной собственности, а вместе с тем, обеспечения созданным правовым режимам реального механизма контроля за соблюдением их предписаний.

Позитивный пример составляет в настоящее время режим Всемирной торговой организации, основа которого базируется на трех соглашениях: ГАТТ, ГАТС и ТРИПС. Позиция ВТО в отношении использования и защиты интеллектуальной собственности является довольно жесткой. Отличительной особенностью этого режима является создание особого органа при возникновении несоблюдения национальным законодательством предписаний соглашений ВТО, который за исчерпанием двусторонних консультаций вправе вынести свое суждение в виде докладов по делу, и, если, в конце концов, доводы жалобы были признаны обоснованными, страна, чьи законы были признаны неудовлетворяющими стандартам, обязана будет устранить это несоответствие под угрозой экономических санкций.

Таким образом, для эффективной охраны объектов интеллектуальной собственности необходимо уделять большое внимание не только тому, что страны-участницы должны иметь слаженно функционирующее, унифицированное, законодательство об интеллектуальной собственности, но и наличию механизма, обеспечивающего его жесткое выполнение. До сих пор воплощение гражданской, административной и уголовной ответственности происходит в рамках национальных систем, однако, предполагается их большая эффективность при применении в рамках наднационального института. Кроме того, необходимо создание достаточного нормативного регулирования, согласованного с уже существующим, по отношению к новым разработкам и системам, подпадающим под понятие объектов интеллектуальной собственности.

Литература

1. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: Авторское право / Пер. с англ В. Л. Вольфсона. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», - 2004;
2. Матвеева Т. И., Леонов И. Ф., Матвеев А. А. Интеллектуальная собственность как критерий вхождения в ВТО // Патенты и лицензии, 2002, № 9;
3. Мэггс П. Б. , Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность. – М.: Юристъ, 2000;
4. Гаврилов Э. П. Россия не нарушает международных обязательств по охране авторских прав // Российская юстиция – 2001. - № 11;

Становление международной системы правового регулирования деятельности многонациональных корпораций

Якубовская Наталия Алексеевна

к.ю.н., доцент

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: yakubovska_n@yahoo.com

Процесс возникновения и развития международной системы правового регулирования деятельности многонациональных корпораций (МНК) был обусловлен получившими широкое распространение в шестидесятых годах двадцатого столетия тенденциями активного оспаривания верховенства внутригосударственного права в отношениях между иностранным инвесторами, в роли которых чаще всего выступали

МНК, и принимающими государствами. В конце 1970-х – начале 1980-х годов повсеместное распространение получает практика интернационализации (транснационализации, делокализации, денационализации) инвестиционных договоров, заключаемых между МНК и принимающим государством, т.е. их изъятие (полное или частичное) из компетенции внутреннего права и подчинение международному праву.

Основным способом подчинения отношений между МНК и принимающим государством международному праву стало закрепление в инвестиционных договорах положения о выборе правопорядка и стабилизационных оговорок. Из-за отсутствия однозначного подхода к признанию с точки зрения международного права как юридической силы оговорок, так и их эффективности, интернационализация инвестиционных договоров всегда сопровождается избранием международного арбитража в качестве основного механизма разрешения разногласий. На сегодняшний день существует три институциональные системы, предназначенные для урегулирования инвестиционных споров между принимающим государством и иностранным инвестором, а именно: Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, Арбитражный суд Международной торгово-промышленной палаты, Комиссия ООН по праву международной торговли.

С начала 1970-х годов в связи с ростом экономической власти МНК и неопределенностью содержания международного права в части регулирования отношений МНК с принимающими государствами, в рамках многих международных организаций начинается активный процесс разработки кодексов поведения МНК. Первый межгосударственный кодекс регулирования иностранных инвестиций был принят в рамках Андского содружества в 1976 году.

Однако начатое в 1970-е годы кодификационное движение преследовало, прежде всего, четкие политические цели. Наиболее ярким образом это проявилось в процессе принятия Кодекса поведения транснациональных корпораций в рамках ООН, который рассматривался развивающимися странами как попытка защитить свои интересы, укрепить позиции в отношениях с МНК, что, естественно, противоречило экономическим интересам развитых западных стран. Из-за невозможности прийти к согласию между странами-экспортерами и странами-импортерами капитала, принятие Кодекса не только не увенчалось успехом, но и вообще, после распада Советского Союза – главного «защитника» развивающихся стран, утратило свою актуальность.

Усилия западных стран-экспортеров капитала, предпринятые в направлении защиты прав и интересов МНК, нашли свое отражение в документах Организации экономического сотрудничества и развития (Кодекс либерализации текущих невидимых операций, Кодекс либерализации движения капиталов, Руководство по многонациональным предприятиям) и группы Всемирного банка (Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств, Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, Руководство по регулированию прямых иностранных инвестиций), решениях Всемирной торговой организации (Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей). Сегодня они являются наиболее действенными из существующих международных документов, направленных на регулирование деятельности МНК, хотя их положения и не имеют силы императивной нормы международного права.

Проведенное исследование показало, что основной альтернативой многосторонним договорам по вопросам регулирования деятельности МНК были и остаются двухсторонние инвестиционные соглашения (ДИС), которые представляют собой интегрированную систему норм для делокализованного регулирования двухсторонних отношений между странами-экспортерами и странами-импортерами капитала. Участники

такого соглашения на взаимной основе принимают на себя обязательство придерживаться минимальных международных стандартов, защищающих имущественные и иные коммерческие интересы иностранных инвесторов, в роли которых чаще всего выступают МНК, от произвольных действий со стороны принимающего государства-участника соглашения. И именно поэтому, на наш взгляд, увеличивающиеся с каждым годом количество ДИС свидетельствует о том, что государства теряют интерес к многостороннему подходу к решению проблем правового регулирования деятельности МНК.

Литература

1. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. – М.: «Статут», 2003.
2. Elias T.O. *New Horizons in International Law*. – London, 1992.
3. Muchlinski P.T. *Multinational Enterprises and the Law*. - Oxford University Press (United Kingdom), 2007.
4. Sornarajah M. *The International Law on Foreign Investment*. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
5. Фединяк Г.С. Правосуб'єктність транснаціональних корпорацій у час глобалізаційних процесів (аспекти міжнародного права та міжнародного приватного права): Монографія. – К.: Атака, 2007.